

Ирина Перовская

**МАСКИ
СБРОШЕНЫ**
Что дальше?

18+

Ирина Перовская

Маски сброшены Что дальше?

<https://litres.ru/74371014>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ирка осталась ни с чем: муж сбежал, кошелек пуст, а перспективы туманны, как питерское утро. Впору либо рыдать в подушку, либо пробовать на вкус валерьянку. Но работа в итальянском кафе у Джузеппе и встреча с загадочным незнакомцем меняют всё! Ирка надевает венецианскую маску и превращается в «Ириску» — дерзкую и удачливую соблазнительницу. Жизнь превращается в безумный аттракцион: знакомства, испытания, мужское внимание, от которого кружится голова. Сможет ли она не потерять себя в этой игре?

Содержание

Развод «по-воронцовски», или Три строчки до счастья	5
Ирка и её финансовая одиссея, или Как выжить в мире «налога на воздух»	16
Итальянская забота, или Когда кофе важнее диеты	28
Найти себя, или Неожиданные пируэты судьбы	40
Степан, или От семейного узника до короля свободы	61
Степан, как мастер убеждений, или от Гулькина до Воронцова	68
Ирка и ее паранормальные решения. От пресного компота до шипучего швепса, или Как я убила скуку и переехала	73
Ирка – «мудрая ворона» на фоне серых будней, или путешествие к себе	88
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Ирина Перовская

Маски сброшены

Что дальше?

Спрячем слезы от посторонних,

Печали нашей никто не понял,

И слов не разобрать,

Когда в разгаре маскарад.

Спрячем слезы от посторонних,

Простим друг друга и зла не вспомним,

Никто не виноват,

Когда в разгаре маскарад...

(К. Меладзе)

Развод «по-воронцовски», или Три строчки до счастья

Ирку Воронцову бросил муж.

Не то чтобы с грохотом и треском, как старую мебель с балкона, – нет, он просто... испарился. И ладно бы ушел «по-человечески»: со скандалом, битьем посуды и взаимными претензиями, как в тех душераздирающих мелодрамах, где страсти кипят, а потом – бац! – и развод. Так нет же! Нет! Его уход был куда более нелепым. Или, может, он решил, что так «изящнее»? Хотя какое там изящество...

Всё выглядело просто и буднично: Ирка, вернувшись утром домой после ночной смены, обнаружила на кухонном столе записку. Три строчки, как приговор без права на апелляцию: «Ухожу от тебя. Достала. Считаю, что мы в разводе». Никаких «прости», никаких «нам нужно поговорить, дорогая». Коротко, сухо и предельно ясно. Куда уж яснее, когда тебе прямо в лоб заявляют: ты причина всех бед и отработанный материал.

Сначала Ирка глазам не поверила, решила, что это шутка. Пусть и злая, но всего лишь шутка, розыгрыш, как из тех, что устраивают на 1 апреля. Но тут же одернула себя: какой там розыгрыш? Степан был способен на подлость, но только не на юмор. Да и на календаре июнь, а не апрель. Значит, прав-

да? Ушел вот так, по-английски, заменив «до свидания» на «достала»? Ничего себе утро началось! И что теперь делать? Как там у классиков: «То ли чаю выпить, то ли повеситься»?

Ирка усмехнулась, не зная, что выбрать: пуститься в пляс от внезапно свалившейся свободы или завывать, как брошенная... неизвестно кто. Любая «нормальная русская барышня» на ее месте рыдала бы в три ручья, заламывая руки и вопрошая небеса: «За что?». Любая нормальная, может, и рыдала бы, но только не Ирка. Она себя нормальной давно не считала. Скорее уж «паранормальной», как любил подкалывать муж. Пардон – бывший муж.

Паники не было. На любые жизненные неурядицы у Ирки имелся свой, проверенный рецепт – самоирония. Ну что ж, развод так развод. Как говорится, «была без радости любовь, разлука будет без печали». И всё же обидно стало до слез. В животе вдруг сделалось так больно, словно кто-то невидимый ударил под дых. «Да как же так? Не может быть! Почему именно я?» – от непонимания внезапно разболелась голова, в ней вдруг застучало и загрохотало: бум-бум, клац-клац, щелк-щелк.

Так и не вытряхнув из разбушевавшейся головы ни одной умной мысли, Ирка в который уже раз (кажется, в сотый, а может, в тысячный, кто ж эти повторы считает, когда в шоке!) перечитала записку Степана. Пожала плечами. Зачем-то понюхала листок, пытаясь уловить запах предательства, но пахло лишь дешевой бумагой. И по привычке потянулась к

заветной коробке на полке книжного шкафа.

Это была не просто коробка-хранилище, а настоящая сокровищница памяти. Или как минимум семейный музей, где хранились значимые реликвии. Степан усмехался, глядя, как жена бережно складывает туда «всякое барахло», но Ирка с первых дней брака проявила удивительную стойкость и отвоевала право на этот архив.

Чего здесь только не было: осколки тарелки, с азартом разбитой на их скромной свадьбе, – от того бывшего азарта не осталось и следа. Засушенная роза с первого свидания, запечатанная в канцелярский файл, как редкий экспонат: Степан давно перестал дарить цветы – то ли из экономии, то ли просто забыл, что это вообще такое – цветы. Театральные билеты (аж целых три штуки!), подаренные Степаном, по одному на каждый год, – щедрость, достойная мецената. Снимок УЗИ, напоминающий о первой и единственной неудачной беременности, – не просто несбывшаяся надежда на маленькое чудо, а затаенная, незаживающая боль.

На дне ворохом воспоминаний всегда лежали документы: паспорта, дипломы, страховые полисы, и венец их семейной истории – свидетельство о браке. Главный экспонат, подтверждающий, что всё это когда-то было по-настоящему. Было...

Сейчас в этой «сокровищнице» стало непривычно просторно, словно после генеральной уборки. Степкиных документов и след простыл. «Когда только успел?» – с недоуме-

нием подумала Ирка. В коробке сиротливо лежал лишь ее паспорт, такой же одинокий, как она сама. А сверху, словно горькая насмешка судьбы и финальный аккорд их короткого союза – свидетельство о браке.

«Ну что ж, – усмехнулась она, – самое время пополнить семейный архив еще одним важным документом – решением мужа. Ну и что с того, что это всего лишь какая-то записка! Чем не свидетельство о разводе? Чем не документ? Еще какой документ, подтверждающий, что Ирку официально сбросили со счетов! Неожиданно мелькнула ехидная, но такая утешительная мысль: заламинировать эту бумажку, приколоть к груди, как бейджик, и ходить с гордой надписью: «Свободна! И очень даже!»

Ирка положила злополучную записку поверх свидетельства и не удержалась от горькой иронии: их брак с Воронцовым оказался бракованным. Надо же. Три года жизни оказались пустым местом. Коту под хвост. А она так старалась быть идеальной женой: уют, пироги, забота... Оказалось, зря. Никому ее старания были не нужны. Достала она его своим старанием.

Теперь Ирка больше не Воронцова, а кто? Ворона. Вот точно. Ворона и есть. Впрочем, кусать локти она не станет – во-первых, это физически невозможно, а во-вторых, глупо. Она не первая и не последняя, кого бросили. Чего рыдать? Вот еще! Вместо этого она приготовит себе что-нибудь вкусное. А что? И съест всё до последней крошки. Хватит с нее

диет и нелепых требований Степана «быть в форме». Долой страх перед ночными набегами на холодильник! Ее же бросили, так? Вот именно. Она – свободная женщина, а значит, имеет право на огромную тарелку восхитительной пасты.

Пытаясь убедить себя, что жизнь только начинается и одной куда лучше, Ирка поплелась на кухню. На автопилоте набрала в кастрюлю воды, включила газ, достала пачку макарон... И вдруг словно кто-то выдернул из нее батарейку: обессиленно рухнула на табурет, сжимая в руках пачку итальянской пасты – ту самую, которую вчера купила специально для Степана.

Сердце сжалось от острой боли: ее бросили! Просто так, без предупреждения, без единого слова. Впрочем, войны тоже начинаются внезапно, но там хотя бы есть враг. А Степан... Степан просто не любил выяснять отношения. Он не воевал ни с ней, ни за нее – он вычеркнул ее из жизни, как ненужную вещь. Как использованную жвачку, которую пожевали и выплюнули. «Я – жвачка?» – с ужасом подумала она. Обида, смешанная с липким чувством унижения, накрыла ее с головой, словно цунами. «Почему? За что?» – эти тупые, бессмысленные вопросы метались в голове, но отвечать на них было некому.

Ирка жалобно всхлипнула, огляделась и вдруг увидела себя словно со стороны в режиме «камера наблюдения». Обычная съемная однушка в Москве, старый скрипучий табурет, и на нем сидит брошенная деваха двадцати семи лет. Рост

метр шестьдесят три, бедра – метр двадцать. Шикарно, просто «Мисс Бегемот»! Грудь, правда, еще ничего, да и талия пока намекает на свое существование, но, кажется, это ненадолго. Скоро параметры сравняются, и превратится она в сногшибательную красотку – «шарик на ножках». Тусклые волосы, зеленоватые глаза, прямой нос, дрожащие губы... Хотя сейчас на конкурс «красоты наоборот», где главный приз не корона, а абонемент в спортзал. Красотка, нечего сказать! А еще эти ее семьдесят килограммов – те еще «вишенки на торте». Кто бы такую не бросил? Любой здравомыслящий мужик сбежит, роняя тапки. Неужели она и правда полный отстой? Никчемная, брошенная...

Во рту стало горько, и рука привычно потянулась к сладкому. Старая история: чуть что не так – заесть стресс шоколадкой. Конфеты Ирка считала самыми настоящими витаминами от грусти и уныния, и этот прием ей всегда помогал. Раньше помогал. Но сейчас Ирка отчетливо поняла: не поможет. Чтобы прийти в себя, ей нужна не плитка шоколада, а самая настоящая трехлитровая капельница из шоколадного сиропа, чтоб сразу в вену. Да где ее взять, такую? А что тогда?

Психологи – те самые умники с блокнотами – советуют делить лист пополам: слева минусы, справа плюсы. Вот интересно, что бы у нее получилось? С отрицательными качествами она справилась бы в два счета: знала их наизусть, как таблицу умножения. За три года Степан намертво вбил ей

в голову целый букет «комплиментов»: толстая, безрукая, скучная, немодная, глупая. Ходячая энциклопедия недостатков, а не женщина.

А что в колонку достоинств? Ирка невольно огляделась, словно тот же самый Степан мог сейчас подслушать ее мысли. Хмыкнула, отругала себя за трусость и решилась: «Никто не видит. Пора быть честной. Поищем хоть крошечную изюминку в этом кексе, который Степан называет недопеченным!»

Она задумчиво погрызла кончик шариковой ручки, словно пытаясь «выгрызть» из нее хоть что-то светлое, и неуверенно вывела: «Я вкусно готовлю». Ого! Какое начало. Прямо-таки ода себе как кулинарному гению. Но стоило ей замереть в ожидании продолжения, как наступила тишина. В голове. Кроме рецепта жульена, в памяти ничего не нашлось. Время шло, а список так и остался пугающе коротким.

«Неужели я настолько никчёмная, что, кроме умения вкусно готовить, во мне нет ничего стоящего?» – ужаснулась Ирка, тупо уставившись на замершую в пальцах ручку, и фыркнула. – «Ну хотя бы писать умею – уже не совсем бесполезна». И тут робко, словно мышка из-под веника, в голове прошмыгнула мысль: «А еще у меня длинные, гибкие пальцы. Джузеппе вечно называет их «музыкальными». Хотя, скорее всего, он имеет в виду, что ими удобно тесто месить, а не на рояле играть».

Однако Ирка лукавила: пальцы и правда были изящны-

ми, аристократичными – совсем не для поварихи. А вот сами руки... Красные, испещренные шрамами от ножей и ожогами от плиты. Настоящая карта боевых действий! Издержки профессии, куда от них денешься? «Если бы я их холила и лелеяла, они бы выглядели иначе, – подумала она. – Сейчас мои руки не для поцелуев, а сплошное доказательство того, что я не лентяйка. Но ведь я еще не старуха! Всё поправимо: крем, мази, ночные перчатки – и буду выглядеть как леди, а не как мясник после смены!»

Она встряхнулась, повертела ладонь перед глазами и, уже улыбаясь, прошептала:

– Да у меня вообще руки красивые. И именно этими «божественными» руками я и готовлю вкусно. Вот! А шрамы... Это просто знаки отличия. Мелочи, которые легко исправить. Шрамы на теле – это ерунда, это лечится.

Уверенно вписав «руки-кормильцы» вторым пунктом в список достоинств, Ирка поняла, что ее внутренний генератор комплиментов окончательно заглох. Лимит самообожания на сегодня был исчерпан до капли. Хмуро окинув взглядом этот скучный «эпос», она решительно отложила лист. «Ну хоть что-то нацарапала, а то совсем бы себя извела», – пробормотала она, пытаясь заглушить нарастающее уныние, которое уже заводило свою тягучую, тоскливую песню.

О чем она вообще думает? Тут впору не пальцем у виска крутить, а целую карусель запускать. Муж сбежал, а она о красоте своих рук переживает. Ну не дура ли? Или это за-

щитная реакция – попытка уцепиться за мелочи, когда тебя вот так, без предупреждения, нагло вышвыривают из привычного мира? Пусть мир был далек от идеала, и семейная жизнь оказалась не самой счастливой и безоблачной. Но она была понятной, и Ирка хотя бы считала себя в ней хозяйкой. А как теперь жить дальше? Одной...

Ирка растерянно огляделась, словно впервые оказалась в этой комнате. Еще утром уютное гнездышко казалось идеальным, а теперь... По спине пробежал холодок, будто кто-то невидимый сунул горсть снега за шиворот. Это в июне-то! Причина ледяного душа обнаружилась быстро: дверцы шкафа были распахнуты настежь, обнажая пустые полки, похожие на беззубый рот вредной старухи.

Первым порывом было заорать, как попугай: «Караул! Ограбление!», но Ирка вовремя прикусила язык. Какой из нее попугай? Так, обычная серая ворона, которой только что подрезали крылья. Она тяжело вздохнула:

– Всё забрал, гад. Ни одной своей вещицы не оставил, значит, точно не вернется. Наверное, даже воздух из комнаты выкачал, чтобы мне тут совсем кислород перекрыть.

Да... Времени у Степочки было предостаточно. Пока она, несчастная труженица на ночной смене, лепила пироги и пышки, мечтая о мягкой подушке, он, как заправский коллекционер редких артефактов, любовно укладывал в чемодан свои трусы и майки, перекладывая их папиросной бумагой. Сбежал, как трусливый заяц от волка. Странно, конеч-

но: она ведь ворона, а не волк. Чего бояться-то? Сели бы, поговорили, обсудили всё по-человечески. Но нет, Степа предпочел тактику «исчезну в тумане». Видимо, она не дотягивала до статуса ценной запчасты для его драгоценного автомобиля, чтобы удостоиться прощального «пока».

Комната с распахнутыми дверцами шкафа, где зияли пустые полки, словно вопила во весь голос, да еще с ехидной ухмылкой: «Ага, ага, бросили тебя! Какая же ты теперь хозяйка? Хозяйка чего? Пустоты и одиночества? Поздравляем, королева вакуума!»

Ну, может, и не совсем такое, но, во всяком случае, Ирке так показалось.

Ирка вдруг почувствовала, как усталость и голод, еще минуту назад валившие с ног, испарились, словно их и не было. Она даже не вспомнила о пасте, которую собиралась приготовить для «заедания горя». Забыла о спасительном кофе. Она сделала глубокий вдох, будто глотнула эликсира храбрости, и в глазах блеснул азарт.

– Ну и ладно, – пробормотала она, подмигнув своему отражению в зеркале. – Зато теперь в шкафу столько места для чего-то действительно стоящего!

После чего резко развернулась, схватила сумочку и выскочила из квартиры.

Стены этой старой квартиры вдруг стали душить, как слишком тесное платье, купленное по дешевке на распродаже в надежде «похудею – влезу». А само жилище показалось

настолько чужим и неуютным, что единственным Иркиным желанием стало поскорее сбежать, пока квартира в самом деле не начала ее отчитывать, как нерадивую хозяйку.

«Не хватало еще начать разговаривать со стенами! Стоит только начать, и глазом моргнуть не успею, как заведу дружбу с тараканами...» – мелькнуло в голове, пока она неслась по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, словно спасаясь от призрака.

В конце концов, жизнь – это не только пустые полки, это еще и возможность наконец-то купить себе тот самый шкаф, который она всегда хотела, но не могла себе раньше позволить из-за мужа.

Ирка и её финансовая одиссея, или Как выжить в мире «налога на воздух»

День незаметно клонился к закату. Ноги гудели от бесконечных хождений по городу, и Ирке давно уже пора было совершать героический марш-бросок в обратный путь. Только вот слово «дом» теперь звучало как-то... не очень. Чуждо и неудобно. Возвращаться туда не хотелось.

Весь день она пыталась придумать, как жить дальше, но мысли ходили по кругу, и ничего умного не придумывалось. Только еще больше расстроилась. Впервые в жизни ей было страшно переступить порог квартиры, где они когда-то жили со Степаном. Раньше у них была семья. Раньше эти четыре стены в старенькой съемной квартире казались крепостью, уютным гнездышком. А теперь? Теперь превратились в холодную нору, где придется прятаться от мира одной, как мышке. Сколько она здесь протянет? И сколько еще таких «норок» ей предстоит сменить?

На носу – срок оплаты аренды квартиры, время очередного платежа «налога на воздух». А хозяйка, дама шумная и скандальная, уж точно не забудет напомнить о себе – наверняка заявит лично: она предпочитала наличные и презирала банковские переводы. И боже упаси завести с ней раз-

говор об отсрочке платежа! Просить у нее отсрочку было все равно, что подписывать себе приговор. Так что Ирке нужно было срочно найти деньги.

Вообще-то, арендная плата не была такой уж заоблачной, Ирка вполне бы ее потянула в одиночку, ведь на кухне итальянского кафе она зарабатывала вполне прилично. Но все деньги до копейки отправлялись прямым ходом в руки Степана. Почему? Да всё просто: в их семье он был не просто мужем, а целым финансовым триумвиратом – казначеем, экономистом и главным распорядителем семейной казны в одном флаконе. Когда вначале Ирка робко заикнулась о мечте открыть свое маленькое кафе, Степан лишь снисходительно хмыкнул, подняв ее идею на смех. Вместо этого он предложил копить на «светлое будущее» в виде квартиры. Ирка, словно под гипнозом, согласилась. Вчера она, как верная подданная, вновь отдала ему всю зарплату. Оставила себе лишь на проезд да на девичьи мелочи, которые, по мнению Степана, «в хозяйстве всегда лишние».

До замужества жизнь Ирки была куда ярче: она неплохо зарабатывала, баловала себя обновками и даже умудрялась время от времени отправлять скромные суммы маме в Новокузнецк. Хватало и на «посидеть в кафе», и на развлечения, и даже на те самые «попутешествовать в компании с подругами», которые так грели душу. Замуж она не торопилась – не встретился тот самый, ради которого стоило бы терять голову. Поклонники, конечно, были (Ира была девуш-

кой привлекательной), но все не москвичи. А глупая мечта стать столичной жительницей не давала покоя. Да и подружки нашептывали: «Смотри не продешеви, если уж замуж, то только за москвича, с пропиской».

Ирка отмахивалась от советов. Ей хотелось не столько замуж, сколько свое дело, но жизнь в Москве в одиночку казалась ей финансовым Эверестом. В какой-то момент Ира решила: «Может, пора? А вдруг замужество станет спасением, вдвоем-то легче!» Но вышло как в той поговорке: хотели как лучше, а получилось как всегда. Реальность оказалась не просто суровой, а откровенно издевательской. Легче в их семье стало только Степану, а она вместо бизнес-леди превратилась в спонсора чужих амбиций.

За три года брака зарплата Ирки стала неиссякаемым ресурсом для семейной копилки, при этом сама она оставалась без гроша даже на покупку банального сэндвича. Степан, возмнивший себя «мудрейшим из мужей», нашел «гениальное решение»: раз жена работает в кафе, пусть там и питается, «на халяву», чтобы не транжирить общие деньги.

– Бюджет, дорогая, – вещал он с видом пророка, снизошедшего до общения с плебеями, – не женского ума дело. Это мужская вотчина, где я, как стратег, решаю, куда направлять финансовые потоки.

Со стороны это звучало как бред сумасшедшего, а для взрослой женщины – как изощренное издевательство, вздор. Казалось бы, чего проще: возмутиться, топнуть ножкой, по-

слать «стратега» в пешее эротическое и забрать свои деньги. Она же не маленький ребенок, в конце концов. Вот только Ирка не стала спорить с мужем. А зачем? Она свято верила в мантру «в семье всё общее». И вообще, муж старше и умнее, он работает в солидной фирме финансистом и в свои сорок лет лучше знает, как жить. В его же глазах она оставалась наивной (если не глупой) мечтательницей, которую можно не принимать всерьез.

Любые попытки Ирки привнести в дом уют – будь то авторский салат, сложный торт или новые шторы – разбивались о скалу Степанова безразличия, граничащего с пренебрежением. Он брезгливо отодвигал тарелки, называя еду «слишком экзотической» или «калорийной», и не замечал перемен в интерьере: ему было «до лампочки, что там в их квартире повешено». Он просто мастерски уходил от любого участия, оставляя жену наедине с ее не востребуемыми стараниями.

«Эх, была бы у меня своя квартира, вот бы я развернулась!» – мечтала она, ворочаясь без сна. А рядом, мерно похрапывая, спал муж. Наверное, даже во сне он продолжал спасать мировую экономику от краха, не забывая при этом экономить на обедах собственной жены. Только мечты и спасали ее от разочарования семейной жизни.

Что там скрывать, помечтать Ира любила. Тем более что мечта эта была почти осязаемой: Степан не раз заговаривал о первом взносе по ипотеке, уверяя, что нужная сумма у них

уже скопилась. У «них» – это на банковской карточке Степана. И доверчивая Ирка, замирая от восторга, уже рисовала в воображении их будущую «двушку». Из окна, конечно, будет виден лес или хотя бы парк с прудом. А то, что до Москвы добираться долго, – сущие пустяки. Главное – своя, собственная квартира!

Ради этого она сэкономила на всём и во всём слушалась мужа.

Вместо здоровой еды – обычные булочки да пышки, которые, казалось, с каждым днем всё настойчивее оседали на боках, превращая ее в живой памятник семейной экономии. Она все меньше стала улыбаться и валилась с ног от усталости, чем только злила Степана: он постоянно выговаривал, что она «перестала походить на женщину».

«Наверное, потому и цветов никогда не дарил», – вздыхала Ирка.

А как тут не уставать? Днем – работа в итальянском кафе. По выходным – в пекарне, причем в ночные смены (за работу ночью платили больше!). То есть пока нормальные люди спали, она, словно ночная сова, возилась с тестом и мукой: боролась за свой кусочек мечты. Старалась заработать, как могла, потому и уставала, конечно, чего уж там изображать бодрость. А потом от недосыпа после ночных смен бродила по квартире, как лунатик, натыкаясь на стены. Муж называл ее «паранормальной», а она лишь сейчас начала прозревать: какой же была душой...

Если бы ее спросили, почему даже мысленно она называет себя по-простецки – «Ирка», без всяких там «Ирочек» с завитушками или «Ирин» с благородным придыханием, – она бы ответила просто: отвыкла. Понимаете? Отвыкла от этих нежностей, как отвыкают от утреннего кофе, оказавшись на необитаемом острове. Даже когда она хвалила себя за удачное дело, максимум, на что ее хватало, – это «Ира». «Ирочка» не прижилось...

Когда-то давно (в «доисторические времена»!) так ее звала только бабушка. А мама, чередой отчимов и вся соседская братия – исключительно «Иркой». В родном Новокузнецке, откуда она сбежала в восемнадцать, не принято было рассыпаться в любезностях. Там, если ты нежная фиалка, тебя просто сдует ветром перемен, а то и вовсе затопчет грубыми башмаками. Всё просто: либо ты, либо тебя. Не бывали в Новокузнецке? Нет? Ну тогда вам не понять всей глубины этой суровой философии, а в двух словах ее не объяснишь. Придется поверить на слово: она – Ирка. И к этому имени она привыкла.

Степан, ее бывший «благочестивый», щедростью на романтику тоже не отличался. От него она так и не дождалась ни ласковых и милых прозвищ, что приняты между влюбленными, ни того уважительного тона, который, по слухам, присущ нормальным супружеским парам. Впрочем, это ведь про «нормальных»... Степан же предпочитал обходиться без имён – только «ты» и точка. А если и решался произнести

ее имя, то его язвительное и протяжное «Ирочка-а-а» звучало как оскорбление, от которого она невольно вздрагивала. Нет уж, пусть лучше просто «Ирка», так привычнее и как-то нейтральнее, что ли, без этих душераздирающих потрясений. А нежности... Видимо, просто не для нее.

Поймав себя на этой мысли, Ирка разозлилась. И какого, простите, рожна, как любила говаривать бабушка, она вообще за него замуж-то пошла? Ведь любовью там и не пахло. Наверное, всё дело в безысходности, которая, как известно, та еще сваха: хватает кого попало и тащит куда не надо. Или от страха одиночества, который шептал ей на ухо всякие страшилки? А может, всё проще: она до дрожи в коленках хотела остаться в Москве. Точно! Потому что ни за какие сокровища (будь то золото из сказок или наивкуснейшие медовые маковые коврижки) и ни за какие обещания вечной молодости не вернулась бы в ту дыру на окраине Новокузнецка, которую даже домом назвать язык не поворачивался. Вот и дала себя убедить, что «сходить замуж» – это волшебная пилюля от всех проблем и универсальный ключ к счастью. Но об этом она подумает позже, когда нервы, потрепанные жизнью, хоть немного придут в норму.

А пока Ирка вернулась к своему привычному состоянию: неисправимой мечтательницы и оптимистки с бронебойным иммунитетом к унынию, которая вопреки всему продолжала верить в чудеса – совсем как ребенок в Деда Мороза.

Порой, глядя в зеркало, она с легкой грустью признава-

ла: отражение всё больше напоминает аппетитную пышечку. Пышечку, щедро начиненную заботами, бессонными ночами и дюжиной лишних килограммов. Сколько бы она ни мучила себя варварскими диетами, те упрямо не желали покидать ее бока. «Ну что ж, – думала Ирка, подмигивая своему округлившемуся двойнику, – если уж быть булочкой, то самой вкусной, ароматной и, да-да, самой жизнерадостной!»

В этом была своя, почти философская правда: несмотря на жизненные кренделя, она умела, словно заправский фокусник, извлекать радость из пустоты. Пока другие искали смысл жизни в великих свершениях, она находила его в запахе свежего теста, щекочущего ноздри, или в улыбках посетителей кафе, которые заряжали ее лучше любого энергетика. Даже тихие, почти сонные семейные вечера со Степкой она умудрялась считать «уютными». Хотя, если честно, вечера эти были... так себе. Они напоминали два параллельных измерения, которые, вопреки законам геометрии, все-таки пересекались в одной квартире, где каждый занимался своим делом. Она – погруженная в книгу или рукоделие, а он – увлеченно рубившийся в свои компьютерные игры, лишь изредка издавая победные вопли или проклятия в адрес виртуальных врагов.

Ирка честно пыталась не унывать, убеждая себя, что многие живут так же, а у кого-то и такого нет. Но одно дело – убеждать, а совсем другое – далеко не идеальная реальность, которая, как назойливый сосед, постоянно напоминала о се-

бе: за последний год даже самые стойкие приятели перестали заглядывать на огонек. По выходным Ирке было не до шумных компаний: она же либо работала, либо отсыпалась, а Степан, как выяснилось, вообще считал гостей пережитком прошлого и угрозой своей цифровой империи. Вот такая «веселая» семейная идиллия: два одиночества в одном месте!

Замкнутость Степана и его вечное раздражение порой ранили так, что хотелось взвыть в унисон его игровым монстрам. Но Степан не обращал внимания на ее обиды и привычно отмахивался. «Я тебя не трогаю, и ты ко мне не приставай», – недовольно бурчал он в ответ на ее попытку поделиться восторгом от прочитанной книги или понравившегося фильма. А ее предложение «просто прогуляться» воспринималось им не как радость, что делает жизнь похожей на жизнь, а как нечто скучное, вроде стояния в очереди в поликлинику.

Обида накатывала волной, но Ирка гнала ее прочь, как назойливого рекламного агента. Она надевала маску невозмутимости и привычно утешала себя: муж – капитан их семейного корабля, а капитанам, видимо, положено быть суровыми и немногословными. И пусть его «стратегии» казались ей загадочнее древних манускриптов, она продолжала верить: где-то там, за горизонтом, ее ждет что-то по-настоящему стоящее. А пока – полный вперед, курс на оптимизм, даже если штурвал иногда бьет по рукам.

Скоро всё изменится. Она уже видела дом мечты: не просто с видом, а с панорамой на лес и реку, где воздух такой, что хочется дышать полной грудью. Там она наконец-то развернется: наполнит пространство ароматами пирогов, украсит всё цветами, достойными королевского сада, заведет полосатую мурчащую кошку, встречающую ее у порога. А там, глядишь, и маленький непоседливый сынишка превратит эту тишину в самый прекрасный, шумный и радостный балаган на свете. А потом можно будет задуматься и о своем деле...

В конце концов, если жизнь подсовывает тебе лимоны, нужно не просто делать из них лимонад, а открывать собственное кафе и ждать гостей, которые точно захотят вернуться.

Она сменит чужую безликую посуду на ту, что выберет сама, поставит на стол любимую вазу для цветов, набросит на диван уютный плед и разложит подушки такие мягкие, в которых захочется утонуть. В этих мелочах, драгоценных камнях повседневности, которые так украшают жизнь, она наконец проявит себя, не позволяя своему миру стать тусклым и серым. Разве она так много хотела? Всего лишь свой маленький яркий рай.

Так что, несмотря на все прилипшие к ее бокам лишние килограммы и отнимающие силы ночные смены, Ирка всегда шла по жизни пританцовывая. Ну или хотя бы не спотыкаясь слишком часто. С легкой улыбкой и шутливой самоиронией, мол, «кто сказал, что путь к мечте должен быть прямым, как

итальянский багет»? Главное – не потерять себя в горах теста и финансовых лабиринтах.

Но сегодня утром ее личный «багет» сломался. Вдребезги. Злополучная записка, словно злой фокусник, превратила ее тщательно выпеченное светлое завтра в дым, мираж, в какую-то нелепую иллюзию. Ее бросили. Ирка осталась без всего – без звонкой монеты, без родных лиц и, что самое обидное, без той самой мечты, ради которой она и месила тесто по ночам. Как теперь жить-то? На что опираться?

От осознания собственной никчемности, которая навалилась, как мешок муки, Ирке совсем не хотелось возвращаться в «семейную гавань». Да и гавань ли это была, если ее оттуда вышвырнули, как ненужную вещь? Весь день она болталась по Москве, словно утлая неприкаянная лодчонка в бурном море. Впрочем, было и хорошее: она наконец-то выпалась! Спустившись в метро, нашла уютный уголок в поезде на кольцевом маршруте и под мерное покачивание вагона, словно в колыбели, провалилась в сон.

Конечно, отдых пошел на пользу, но не жить же в подземке, пропитываясь запахом тормозных колодок? Пора было выныривать наверх, к солнцу, к жизни.

На календаре лето, между прочим! А у нее день рождения на носу, и, похоже, праздновать придется в гордом одиночестве. Ну или в компании с жалким тортиком из ближайшего супермаркета. Степан, этот «гений экономии», превзошел сам себя: сбежал накануне ее праздника, как крыса с тону-

этого корабля, лишь бы не тратиться на подарок. Хотя, чего уж там, он и раньше не отличался особой щедростью, скорее – искусством увиливания от любых трат.

Грустно? Безусловно. Но что поделаешь, если капризная судьба вдруг нахмурилась и отвернулась, как от нерадивого пекаря, у которого вечно всё подгорает. Знать бы только, за что такая немилость? Или, если хорошенько покопаться в собственных «булочках с изюмом», ответ на вопрос, почему судьба так «любит» ее, лежит на поверхности?

Ирка обязательно разберется. Но это потом, позже. Ну а пока всё же придется возвращаться в бывшую семейную квартиру. Завтра ведь на работу, а их шеф-повар Джузеппе, известный своей пунктуальностью, терпеть не мог, когда кто-то опаздывал.

Итальянская забота, или Когда кофе важнее диеты

– *O, Mamma Mia!* – воскликнул Джузеппе, заметив Ирку.

Встречи с управляющим в это раннее утро было не миновать: он возник на пороге, едва Ирка успела войти в ресторан.

Обычно этот стильный итальянец фонтанировал энергией, был крепок, как выдержанный пармезан, и улыбочив, как неаполитанское солнце. Но сейчас он напоминал грозовую тучу, готовую вот-вот разразиться ливнем. Его итальянская речь, обычно такая мелодичная и завораживающая, сейчас звучала как скрежет ржавых петель в старой трагтории – верный признак того, что Джузеппе либо готов взорваться, либо до глубины души расстроен. Ирка замерла в изумлении: что это с ним? А Джузеппе даже языком цокнул недовольно, как старый филин, и неодобрительно покачал головой:

– О, *bella* Ирена, на кого ты похожа? Ты что, всю ночь гадала с призраками на картах?

Его рука, теплая и шершавая, как хорошо пропеченная чабатта, коснулась ее щеки. Взгляд умных, внимательных глаз, казалось, видел Ирку насквозь, проникая в самые потаенные уголки ее души. Под этим пронзительно искренним, почти отеческим вниманием глаза Ирки предательски защи-

пало – еще секунда, и слезы хлынули бы потоком, смывая всю накопившуюся за ночь печаль.

Ирка лишь шмыгнула носом и промолчала. Не признаваться же шефу, что проревела полночи, а потом вообще не сомкнула глаз, пока мозг устраивал дискотеку из грустных мыслей? Джузеппе шумно втянул воздух и поджал губы, словно пробуя на вкус Иркину горечь, и, ласково погладив ее по щеке, проворчал, как старый добрый медведь:

– Доведешь ты себя своей диетой, девочка моя. Скоро станешь прозрачной, как оливковое масло. Пойдем, сварю тебе кофе, и ты мне всё-всё расскажешь.

– Да всё нормально, Джузеппе, правда... – прошептала Ирка, отворачиваясь и пряча глаза, чтобы итальянец не заметил ее покрасневших глаз и темных кругов под ними. – Нечего рассказывать. Не надо кофе, я пойду переоденусь и буду работать...

Она протестующе мотнула головой, но шеф всё увидел. Его глаза, как два маленьких итальянских прожектора, в полумраке зала безошибочно выхватили и ее покрасневшие веки, и те самые темные круги под глазами, которые красноречивее всяких слов выдавали бессонную ночь. Джузеппе энергично замахал руками, словно дирижируя невидимым оркестром:

– Надо, Ирена, надо! Папа Джузеппе лучше знает, что нужно молодой девушке! – Он прищурился, картинно нахмурился и пригрозил пальцем: – И не спорь с итальянцем,

поняла? Это всё равно что спорить с ветром, дующим в сторону Неаполя. Живо переодевайся и ко мне! Жду!

От того, что он так точно прочитал ее состояние, щеки Ирки вспыхнули. Она обреченно вздохнула и покорно кивнула: спорить с Джузеппе было бесполезно. В нем бурлила такая энергия, что сопротивляться было просто невозможно. Он напоминал старый, мудрый дуб: гнул свою линию, но при этом всегда давал тень и укрытие.

«Тоже мне, папаша нашелся, – мысленно фыркнула она. – Да ему всего сорок, как Степану».

Думать о муже сейчас совершенно не хотелось. «Ладно, Джузеппе, ты победил», – сдалась она, чувствуя, как в груди разливается тепло от его заботы, смешанное с горьким осознанием собственной слабости.

Ирка поплелась в раздевалку и, как было приказано, «живо» переоделась. Привычно спрятав свои непокорные волосы под шапочку, она, словно провинившаяся школьница, предстала перед «ясными карими очами» шефа. Но вместо разноса ее ждал сюрприз: на столике в белоснежных чашках дымился ароматный кофе, а рядом красовалась корзиночка с кремом и вишенкой – одно из тех волшебных пирожных Джузеппе, от которых поет душа. Сам шеф стоял неподалеку, скрестив крепкие руки на плоском животе (и это у повара, подумать только!). «Как же приятно, когда о тебе заботятся, да еще такой мужчина!» – промелькнуло в голове у Ирки. На душе стало так легко, что она не заметила, как

расплылась в улыбке. Итальянец, словно почувствовав перемену в ее настроении, широко улыбнулся в ответ и поманил ее к себе.

Они сели за столик, сделали по глотку и, не сговариваясь, зажмурились от удовольствия: кофе был не просто хорош – он был божественен!

Джузеппе вопросительно посмотрел на Ирку своими шоколадными глазами, и... Словно прорвало плотину: она, сама того не ожидая, вдруг выложила всё. А ведь не собиралась откровенничать, но слова полились сами собой. Рассказала о подлой записке мужа, которая, как бульдозер, разнесла в щепки ее мечты о будущем доме. Призналась, что в Новокузнецк к матери не вернется – ни за что, ни ногой! – и о разводе не сообщит: «Ей всё равно, как я тут живу без нее...». Пожаловалась, что совершенно не знает, что ей делать, чем занять себя, как отвлечься от пустоты.

Голос ее дрожал, но слез больше не было – кажется, весь «девчачий лимит» она выплакала за ночь. Хотя исповедь помогла: к концу рассказа Ирка уже заметно успокоилась.

– Вот такие дела, Джузеппе, – закончила она свой рассказ. – Осталась я в этой огромной Москве одна-одинешенька, как потерянный щенок, – и тяжело вздохнула: – А у меня ведь скоро день рождения. Как мне его праздновать-то одной?

Джузеппе слушал внимательно, ободряюще кивал, сочувственно цокал языком, сыпал непонятными итальянскими словечками и негодуя взмахивал руками в адрес

«*farabutto*» – негодяя Степана, который «посмел оставить эту славную девочку без гроша и без крыши над головой». А потом с видом мудрого наставника выдал:

– Надо тебе отдохнуть, *bella*. Бери-ка ты отпуск на недельку, слетай к морю, отвлекись, влюбись. Вот увидишь, всё утрясется, как тесто на пиццу.

– Да какой там влюбиться, Джузеппе! – запротестовала смущенная Ирка, краснея, как спелый помидор. – Я же вроде как замужем еще! Может, это Степан сгоряча так сказал, что бросает меня, а на самом деле вовсе не собирался? Вдруг он вернется, а я ему тут... изменю?

– Если долго хранить верность, она испортится, прокиснет, как молоко в жаркий день, – весело изрек итальянец и подмигнул. – Так что давай, не раздумывай и ныряй с головой в любовь, как в бассейн с прохладной водой. Эх, будь я помоложе! – мечтательно закатил он глаза, а потом хитро взглянул на Ирку и игриво пошевелил бровями. Ирка фыркнула, и они, словно два приятеля-ровесника, одновременно весело рассмеялись.

Самое удивительное: стоило Ирке вывалить на Джузеппе весь ворох своих несчастий, как с души будто камень свалился. Да не просто камень – целая булыжная мостовая! Мгновенное облегчение окрылило ее: несмотря на бессонную ночь, она весь день порхала по кухне словно бабочка, с легкостью выполняя поручения шефа.

Этот день (как и два последующие) пролетел на одном ды-

хании. Ирка сама не заметила, как тревоги отступили. И помогло ей в этом именно рабочее место.

Итальянское атмосферное кафе, где Ирка Воронцова трудилась уже год, стало для нее личным порталом в параллельную реальность. Оно спасало и от уныния промозглых серых московских будней, и от тяжелых мыслей после ссор с мужем. Стоило переступить порог – и суэта мегаполиса растворялась, сознание перезагружалось, настраиваясь на радость и вкус жизни. Здесь царила магия: казалось, ты не в Москве, а где-нибудь в солнечной Тоскане, сидишь себе в уютном кресле, потягиваешь просекко и ждешь ароматную пасту.

Ресторан с претенциозным именем «Кристиан» напоминал изумрудный оазис, отражая богатство итальянской природы. Зеленые колонны, изящные арки, двери с легким налетом старины, уютные мягкие кресла и диванчики, обилие зелени в кадках и горшках – всё здесь создавало атмосферу и словно шептало: «Расслабься, дорогая, ты в Италии!».

А уж сам итальянский синьор Джузеппе был отдельной, восхитительной песней. Этот интеллигент-аристократ с умными глазами и хитрым прищуром мастерски играл роль «своего парня», «доброго соседа» или радушного «папы Джузеппе», чем безотказно притягивал доверчивых посетителей. Подчиненные за глаза называли его просто «наш Джузе». Он с видом знатока жизни без устали повторял, что его ресторан – не просто заведение, а «богатая вилла», где круглый год царит вечное лето, светит солнце, пахнет морем, ду-

шистыми травами и, конечно, апельсинами. Здесь не просто можно – здесь *нужно* было отдаться наслаждению: есть, пить и позволить себе самую блаженную лень.

Видимо, шеф-повар обладал редким даром успокаивать: после разговора с ним Ира взялась за дело с совершенно другим настроением. Овощи ловко нарезались, соусы тщательно смешивались, нежный крем с легкостью взбивался – всё шло как по маслу. На губах сама собой заиграла улыбка, а мысли унеслись в прошлое, к тому дню, когда она (ну совершенно случайно!) оказалась в этом московском «райском уголке» на Кутузовском. Хотя «случайно» – это еще вопрос...

Всё случилось по законам жанра: самые заманчивые приключения всегда начинаются внезапно.

Ирка просто гуляла по Москве, никого не трогала, как вдруг – бац! – монументальная сталинка, а при ней – крытая веранда, уставленная курортной мебелью с полосатыми подушками, словно кусочек Рима, случайно оброненный посреди города. Ирка, конечно же, не удержалась, заглянула: «На минуточку выпить кофе» и... провалилась. Провалилась с головой в эту итальянскую сказку, как туристка в сувенирную лавку. И так ей здесь понравилось! Так захотелось немедленно исследовать каждый уголок, рассмотреть каждый завиток! Забыв обо всём, она с азартом первооткрывателя переходила с этажа на этаж, с любопытством разглядывая всё вокруг. И в этом увлечении совершенно не заметила, что за ней внимательно наблюдают.

Невысокий мужчина стоял в тени. В его взгляде читалось что-то вроде: «Ага, попалась, птичка. Ну-ну». Почувствовав на себе этот пристальный взгляд, Ирка обернулась. Мужчина улыбнулся, но как-то странно, уголками губ – так смотрят те, кто знает о тебе больше, чем ты сама. Или те, кто предвкушает, как ты будешь выпутываться из неловкой ситуации.

– Заблудилась? – спросил он на чистом русском, но с легким, едва уловимым акцентом, который лишь добавлял ему итальянского шарма.

Ирка смутилась, чувствуя себя немного глупо:

– Нет, просто... Здесь невероятно красиво.

– У нас? – он приподнял бровь, и в глазах мелькнула искорка веселья. – Ты уже чувствуешь себя частью этого места?

Она покраснела:

– Ну я имела в виду... У вас, в смысле, в ресторане.

Мужчина подошел ближе, и Ирка уловила аромат дорогого одеколона и чего-то еще... Может быть, кофе и свежей выпечки?

– Меня зовут Джузеппе, я управляющий и шеф-повар одновременно, – и он протянул ей руку. Его ладонь была теплой и крепкой. Ирка пожала ее и робко улыбнулась:

– Ирина. Очень приятно.

– Ирина. Ирена... – он повторил ее имя, словно пробуя его на вкус. – Ты, кажется, очень внимательно изучаешь наш... уголок Италии в Москве.

– Да, я просто... Я в полном восторге! – воскликнула она.

Общение с этим обходительным и очень привлекательным мужчиной, который так легко перешел на «ты», дарило ей небывалую легкость. — Я словно действительно перенеслась куда-то далеко.

— Это наша цель, — гордо кивнул Джузеппе. — Создать иллюзию. И, кажется, у нас получается.

Он посмотрел на нее так, что Ирка сначала почувствовала себя неловко, но в то же время что-то внутри нее затрепетало от его взгляда. Она даже невольно размечталась о чем-то приятном, и вдруг услышала:

— Вы ищете работу, Ирена?

Вопрос был настолько неожиданным, что Ирка чуть не поперхнулась воздухом.

— Работу? — переспросила она, чувствуя себя полной душой. — Я... нет, я не думала об этом.

— А стоило бы, — Джузеппе улыбнулся уже более открыто, и эта улыбка была чертовски обаятельной. Настолько, что Ирка на секунду забыла, как дышать. («Ох уж эти итальянцы!» — промелькнуло в голове). — У нас как раз есть вакансия. И, судя по тому, как вы впитываете атмосферу, вы могли бы стать идеальным дополнением к нашей команде.

Ирка замерла, словно пораженная громом. Вот так, просто гуляя по Москве, она набрела не только на кусочек Италии, но и, возможно, на новую главу своей жизни. И этот Джузеппе... Он был не так прост, как казался. Он даже перешел на «вы», и в его глазах читалось нечто большее, чем

просто деловое предложение. Что-то, что обещало не только работу, но и, возможно, участие в ее жизни или, чем черт не шутит, приключение. Ирка, которая всегда была склонна к авантюрам, почувствовала, как внутри нее загорается маленький, но очень настойчивый огонек любопытства, направленный щепоткой кокетства.

Она была почти согласна работать в этом кафе кем угодно – хоть посудомойкой, хоть дегустатором тирамису. И уже обдумывала, как завтра же напишет заявление об увольнении из надоевшего до чёртиков ресторана, где трудилась обычной поварихой. Видимо, все ее мысли, включая планы по побегу из кухонного рабства, отразились на ее лице, потому что итальянец тут же довольно улыбнулся, как сытый кот, и пригласил ее в свой маленький кабинет, чтобы обсудить условия будущей работы в этом его ресторане.

Вот такие сюрпризы порой преподносила судьба Ирке, и она готова была их принимать все и сразу!

В тот день Ирка летела домой как на крыльях, предвкушая, как расскажет мужу о своей удаче. Она даже заранее «наточила коготки» и настроилась отстаивать свое право работать в «Кристиане», если вдруг Степан начнет возражать. Но, к ее удивлению, муж, узнав о размере ее новой зарплаты, был не против.

«Ну надо же!» – подумала Ирка и с головой нырнула в новую жизнь. Ей нравилось абсолютно всё: и эти смешные названия блюд, и пьянящие ароматы специй, и, конечно, вкус

итальянских яств, которые она готова была дегустировать с утра до вечера, а то и до утра! Джузеппе, хозяин ресторана, лишь добродушно посмеивался, наблюдая, как Ирка с восторгом закатывает глаза, пробуя то равиоли, то вителло, то ризотто, то фритто мисто, да что там – даже обычную брускетту, пасту или пиццу!

После насыщенного вкусами рабочего дня Ирка возвращалась домой с таким чувством сытости, что даже на еду смотреть не могла. Ужины для Степана готовила на автомате, без особого энтузиазма, словно отбывая скучную повинность. Но и тут ждал сюрприз: Степан, помешанный на своей фигуре, вообще стал отказываться от ужинов и лишь посмеивался. Он был даже рад, что после перехода Ирки в «Кристиан» расходы на продукты в их семейном бюджете заметно сократились. «Ну ты даешь, Степан!» – мысленно возмущалась она. – «Тебе бы только экономить, и желательно на мне!»

Воспоминания о муже, стремительно перешедшем в статус «бывшего», вернули Ирку в реальность. Похоже, пора смириться с мыслью: Степан действительно ушел. До сих пор он так и не дал о себе знать – ни звонка, ни эсэмэски, ни голубя с новой запиской. Ирка, правда, поначалу не выдержала и несколько раз набирала его номер, надеясь услышать то, что он написал в записке, но абонент был глух и нем. «Ну и ладно», – решила она, отбрасывая остатки жалкой надежды. Не станет она ему больше звонить. Хватит. Бросил – значит,

бросил.

Постепенно собирая себя по кусочкам, словно разбитую вазу, она вдруг поняла: итальянец-то дело говорит. Отпуск! Как же здорово: выспаться, отдохнуть, выкинуть из головы все эти мужские заморочки. О море она, конечно, не мечтала – не на что и не на чем (разве что на надувном матрасе, которого и в помине нет). Но просто поваляться с книгой, побродить по Москве, встретиться с девчонками, выпить кофе – это было бы просто замечательно! Или записаться на маникюр... А то совсем себя запустила. «Работа-дом-работа» – не жизнь, а бег по кругу, как белка в колесе.

Найти себя, или Неожиданные пируэты судьбы

Оптимисты, эти вечные двигатели позитива, утверждают: после самой черной полосы обязательно забрезжит рассвет. Ирка, чье сердце уже отбивало ритм скорого отпуска, была с ними согласна на все сто: она отчаянно хотела верить в лучшее.

Однако вера верой, а нервы сдавали. Между ней и светлым будущим маячила не просто полоса, а настоящая черная дыра: квартирный долг, который нужно закрыть. Деньги нужны были *вчера!* В отчаянной попытке вырваться из этой финансовой западни она снова набрала номер мужа, но услышала лишь равнодушные гудки. Ярость накрыла с головой, и это было очень... неожиданно. Чтобы Ирка – и злилась? В таком «разобранном» состоянии Ирка отправилась на ночную смену в пекарню – «добывать» эти самые деньги самостоятельно.

После долгих и мучительных размышлений Ирка пришла к неутешительному выводу: другого выхода нет. Ну негде ей было взять деньги, кроме как на своей второй работе, где по выходным, когда нормальные люди спали, Ирка превращалась в «тестомесильную богиню» (или, если честно, в неукротимого кухонного монстра!). Вот только в эту ночь

ей предстояло не только выпекать хлеб, но и добыть эти самые жизненно необходимые монеты, иначе об отпуске можно «смело» забыть.

Она дала себе слово: к утру соберет всю волю в кулак (и даже не станет пить валерьянку!) и смело подойдет к заведующей Надежде. И попросит внеплановый аванс. В порядке исключения, потому что... потому что... «Ну очень нужно!» — эта мантра, словно навязчивая мелодия, звучала в ее голове всю ночь, заглушая даже манящий аромат свежей выпечки, который обычно сводил ее с ума. Да, смелая Ирка отчаянно трусила. А всё потому, что терпеть не могла просить, считая это унижительным и жалким.

Когда-то юная Ира Воронцова, прочитав «Мастера и Маргариту», так прониклась романом, что вызубрила наизусть: «Никогда и ничего не просите. Никогда и ничего, особенно у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами всё дадут». И вот когда с дипломом кулинарного колледжа в одной руке и сумкой с вещами (и мечтами) в другой она впервые ступила на московскую землю, то поклялась сама себе: ни за что, никогда, ни у кого! Была готова терпеть любые лишения, лишь бы не оказаться в роли просительницы. И надо сказать, долгое время этот принцип работал как часы. Но сейчас... Сейчас, увы, другого пути, кроме как уговаривать Надю, она не видела. И от этого было до тошноты горько.

Тревога от предстоящего разговора превратила Ирку в настоящего робота-зомби, работающего на автопилоте. Всю

ночь она провела в этом режиме, и даже мысль о том, чтобы привычно, как раньше, отщипнуть кусочек любимого круасана или попробовать нежную ватрушку, казалась ей непозволительной роскошью. Погруженная в свои финансовые терзания, она настолько увлеклась внутренним монологом, что не заметила, как ее мысли стали настолько «громкими», что привлекли внимание самой Надежды, их начальницы.

– Ир, ты чего как будто в воду нырнула, а не на работу пришла? Совсем на себя не похожа, – участливо поинтересовалась Надя, когда они всей командой, уставшие, как собаки, присели отдохнуть на свои законные пятнадцать минут передышки с чашкой чая.

– Настроение просто ужас какое... Сказочное, – промямлила Ирка, стараясь не реагировать на начальственный интерес.

Надя, хозяйка этой сладкой империи, хоть и разменяла пятый десяток (ей стукнуло аж сорок пять!), всё еще оставалась дамой хоть куда: симпатичной, энергичной, с душой, которая не желала стареть, и телом, которое не знало лишних килограммов (и это на пекарне!). Ум у нее был гибким, как гимнастка, а справедливость – непоколебимая, как скала. Ирка уважала и ценила ее всей душой, ведь их Надя была не просто начальником, а самым настоящим бальзамом для нервов: спокойная, рассудительная и абсолютно неконфликтная. Ее легкий нрав позволял ей запросто, без всякой напускной важности, пить чай с подчиненными, отпускать

шуточки и даже подтрунивать не только над своими работниками, но и над собой.

Но несмотря на душевное тепло, Надя для Ирки оставалась прежде всего руководителем, а не подругой или «жилеткой» для слез. Ирке и в голову бы не пришло изливать ей душу, рассказывая, как муж решил «сменить декорации» и упорхнул, оставив ее с пустыми карманами и разбитым сердцем. Превращать свою личную драму в спектакль для коллег? Увольте! Ирка не собиралась разыгрывать перед ними ужастики. Особенно перед Катей, Светой и Ниной, сидевшими тут же за столом в подсобке, и чьи уши, словно локаторы, уже жадно ловили каждый шорох, каждый намек на скандал.

Чтобы не привлекать внимания, Ирка, как истинный мастер маскировки, натянула на лицо дежурную улыбку и с невозмутимым видом попыталась слиться со стенами. Жить с репутацией «веселой и бойкой» и при этом не стремиться быть в центре событий – задача не из легких. Но Ирка держалась: личная жизнь – не витрина магазина, чтобы выставлять ее напоказ. Она на то и личная, чтобы оставаться тайной за семью печатями.

Ей почти удалось ускользнуть от любопытных глаз девушек, но тут, как чёртик из табакерки, в разговор вклинилась Нинка. Эту самую молодую и вредную девицу в коллективе за глаза прозвали пронеурой, или «Проней». Она была местным гуру чужих судеб и главным поставщиком сплетен. Казалось, ее оттопыренные уши улавливали шепот даже из со-

седнего города, а язык плел такие кружева из слухов, что позавидовал бы любой блогер. Ярлыки вроде «бестолочь» или «шалава» она клеила с легкостью, будто ценники на товар. А советами, которые никто у нее не просил, она сыпала так, словно раздавала бесплатные образцы своего «бесценного» опыта. Ирка подозревала, что Проня ведет тайную базу из человеческих слабостей, а потом использует накопленную информацию для своих манипуляций.

«Проне бы в шпионах работать, цены б ей не было», – обычно беззлобно усмехалась она, когда речь заходила о Нинке. Проня, как источник сплетен и сенсаций, лично ей никогда не досаждала. Ни добром, ни злом. Да и что там в Иркиной скромной личной жизни могло стать пищей для острого языка сплетницы? До сегодняшнего дня ровным счетом ничего.

Но у этого «кладезя информации» был особый, обостренный нюх на всякого рода новости и сенсации, особенно когда дело касалось чужих сердечных тайн. И вот каким-то шестым чувством, или, может, просто заметив Иркины потухший взгляд и сжатые губы, Проня мгновенно учуяла: «Ага, что-то неладно!». И тут же, словно опытный знаток-психолог, разложивший по полочкам чужие страдания, Нинка с приторно-сладким голоском изрекла:

– Ох, Ирочка, дорогая, у каждой женщины рано или поздно случается этот самый кризис отношений. Ну знаешь, когда мужчина вдруг решает, что молодая и длинноногая ин-

тереснее... Неужто твой ненаглядный Степочка тебя променял на другую? – и она, проведя руками по своему худосочному телу, оглядела Ирку с сочувствующим взглядом. В ее глазах, помимо наигранного сочувствия, читалось скрытое любопытство, а также легкое превосходство.

Ирка вздрогнула так, словно ее ударило током, и до кончиков ушей залилась краской. Слова застряли в горле, как кость. Она просто лишилась дара речи, потому что Проныра, черт ее дери, попала в самую болезненную точку – ее ведь в самом деле бросили... В голове завертелся вихрь вопросов: «Откуда она знает? Откуда?! Я же никому, кроме Джузеппе, и слова не сказала. А он – молчун, он не проболтается. Или у меня теперь на лбу выжжено клеймо: «Брошенка»? Боже, какой позор!»

Катя со Светой, до того молча «сидевшие в партере», тут же ахнули. С жалостливым любопытством они стали выяснять: неужели их Ирку, эту клушу, и впрямь променяли?

А Ира... Она лишь молча кусала губы, испуганно переводила взгляд с одной на другую и едва сдерживала слезы. Кажется, еще секунда – и реки горя польются потоком. Но обстановку «наводнения» спасла Надя.

– Нина, что ты несешь? – возмущенно произнесла она. – Мы все знаем, что у нашей Иришки крепкая семья. Конечно, в любой семье иногда происходят мелкие разногласия, от этого никто не застрахован. Так что нечего тут из ерунды устраивать шоу. – Она хлопнула в ладоши и строгим голосом

добавила: – Перерыв окончен, хватит расслаиваться, пора за работу. У нас еще целая дежа теста осталась.

Все четверо сразу же отставили чашки с чаем и направились в рабочую зону. Проходя мимо Иры, Надя тихо сказала: – Задержись после смены на пару минут. Пойдем домой вместе, по дороге всё обсудим, хорошо? – и дружески улыбнулась.

Ирка согласно кивнула и отправилась снимать стресс проверенным способом: превращая тесто в ароматные булочки, батоны и прочую выпечку. Такая работа ее всегда успокаивала. К концу смены, когда уже почти наступило утро, она даже перестала обращать внимание на ехидные улыбки и косые взгляды Кати, Светы и Нины. Настроение улучшилось: пусть думают, что хотят, оправдываться она не собирается. Даже мысль о том, что придется кое в чем признаться Наде, уже не пугала. Да и ее нынешнее положение уже не казалось таким постыдным. Подумаешь, муж ушел. Такое случается, с каждым может произойти. Ведь не только женятся, но и разводятся. Ничего страшного. Переживем!

С таким боевым настроением на позитив Ира умылась, переоделась, даже подкрасилась на скорую руку и, благоухая въевшимися за смену запахами ванили и корицы, вышла из пекарни.

Воскресное утро выдалось ясным и теплым, словно природа решила подсластить пилюлю сегодняшнего дня. Стоя на тротуаре в ожидании Нади, Ирка рассеянно поглядывала

по сторонам. Выходной, большинство москвичей еще спали, и улица казалась непривычно пустой и тихой.

Вот мальчишки на роликах, экипированные «по полной» и с выражением сосредоточенности на лицах, уверенно ла-вируют среди редких прохожих. А вот старушка в элегант-ной шляпке вывела на прогулку свою таксу. Они о чем-то тихонько «беседуют», и собака, этакая колбаска на ножках, смешно перебирая короткими лапками, семенит рядом, то и дело поднимая голову и заглядывая в лицо хозяйке, слов-но отвечая на самые сокровенные вопросы. Идиллия, да и только. Ирка невольно улыбнулась, подумав, что между эти-ми двумя, пожалуй, больше взаимопонимания, чем между ней и Степой – ее, теперь уже бывшим, мужем.

Вспомнив о нем, она нахмурилась. Семейная жизнь... Как же всё изменилось с тех пор, как они со Степаном обменя-лись кольцами! Впрочем, никакой семейной-то уже и нет – кончилась. Ирка вдруг ощутила липкое неуютное чувство от своего нынешнего статуса: то ли разведена, то ли всё еще за-мужем. Непонятки, как в плохом детективе, где главный по-дозреваемый – ты сама.

То ли от хронического недосыпа, то ли от расшатанных нервов в голове сама собой завертелась мысль: наша семей-ная жизнь превратилась в немое кино. Только вместо Чарли Чаплина – мы, а вместо слов и смеха – гнетущие многозна-чительные паузы.

«Я приползаю домой, как измотанная улитка, еле живая

и валюсь с ног. Мне не до разговоров – я выжата до суха. Но Степа? Его «бумажная работа», где максимум усилий – переложить папку из стопки «важно» в «очень важно», вряд ли лишает дара речи. Язык отсох? Почему он встречал меня таким же молчанием? Видимо, решил, что «молчание – золото», или просто забыл все слова, кроме «да» и «нет».

Неужели я стала настолько неинтересна, что общение со мной превратилось в скуку смертную, как лекция о пользе мыла? Достала, значит. Но чем, черт возьми? Своей заботой? Тем, что всегда и во всем соглашалась, превратившись в «дажену» без собственного мнения? Прямо-таки идеальный экземпляр для коллекции «Послушная супруга» – поставил на полку и любуйся издалека. А что? Стоит, пылится, не отсвечивает – мечта, а не жена!

И какого рожна я молчала? Ведь так хотелось поделиться мыслями и эмоциями, выплеснуть тревоги. Но нет. Степа не стал бы слушать. «Бабские» жалобы – это же не по-мужски. Зачем портить себе настроение чужими проблемами, когда есть свои «важные»? Мои переживания для него – как невкусное мороженое: он даже пробовать не хотел, опасаясь, что оно растает и испачкает его безупречный имидж. Он просто отмахивался: «Я такого не ем».

Казалось бы, что проще – сесть и поговорить? Разобраться во всём. Может, тогда и прояснили бы для себя что-то важное. Или всё дело в моей трусости? Это я виновата, что мне всего страшно? Я боюсь даже с Надей откровенничать,

боюсь просить о помощи. Что со мной не так? Почему в самом деле я стала такой? Или причина в той неудачной беременности? Я стала вялой, инертной, как тот цветок, который забыли полить: он уже не знает, продолжать ли увядать или просто засохнуть окончательно. Эх, Ирка, Ирка...»

В голове внезапно, как помехи в старом радиоприемнике, всплыло: «Прошла любовь – завяли помидоры». Откуда этот фольклорный бред? Какие помидоры? При чем тут овощная грядка, когда муж только что хлопнул дверью, оставив после себя лишь пустоту? Совсем с ума сошла?

Ирка удивленно хмыкнула и дернула плечом, будто от неожиданного щелчка по носу. И вдруг почувствовала, как внутри разливается странное, почти хулиганское веселье.

– Ну точно, ку-ку, крыша поехала, – прошептала она, смакуя абсурдность момента. – Муж сбежал, а мне смешно. Вот это номер! Какая я, однако, непредсказуемая и, в самом деле, паранормальная! – и... беззаботно рассмеялась.

В этом «приступе счастья» ее и застала Надя.

– Огонь! – весело воскликнула та, оглядывая Ирку с одобрением. – Вот это я понимаю! Наша Иришка вернулась – сияет, как новенький пятак. А я уж грешным делом подумала, тебя подменили инопланетяне или пыльным мешком пристукнули.

Ира лишь пожала плечами, словно сбрасывая с себя невидимую пыль.

– Ты куда? Домой? На метро? – спросила Надя, подхва-

тывая ее под руку.

Они зашагали по пустынному утреннему тротуару, болтая о всякой ерунде: о том, что скоро потеплеет, можно будет сбросить унылые куртки и наконец-то почувствовать себя королевами.

– А то и вовсе предстать пред мужским взором во всей красе, достойной кисти великих мастеров, – лукаво подмигивая, заявила Надя. – В стиле «ню», так сказать!

– А почему нет? – подхватила ее шутку Ирка, и они расхохотались, как две школьницы, прогулявшие контрольную.

Настроение взлетело до небес, и Надя, пользуясь моментом, перешла к главному:

– Так что у тебя стряслось, Ириш?

И тут произошло чудо: страх перед начальницей, который раньше сковывал Ирку, испарился, как утренний туман над лужей. Даже мысли о том, «что обо мне подумают», улетели куда-то далеко. Ирка легко и непринужденно, без тени драмы и заламывания рук, с той же самой шаловливой улыбкой выдала:

– Да муж бросил, представляешь?

– С чего вдруг? Загулял, что ли? – понимающе сощурилась Надя, почему-то несколько не удивившись Иркиному признанию.

– Да фиг его знает. Я и сама не понимаю, «с чего».

– Как так? – Надя всё же приподняла бровь.

– А вот так! Мы даже не поговорили. Он просто записку

оставил: «Бросаю тебя, ты теперь свободна».

– Ого! И не ругались? И даже отношений не выясняли?

– Не-а. Просто ушел, – фыркнула Ира.

– Ну знаешь, просто так ничего не бывает, – покачала Надя головой. – Нет дыма без огня.

– Надь, да я правда не знаю, в чем причина. Думала, думала – ничего и не придумала. Вот не из-за чего было.

– Просто так мужик никогда не уходит, – уверенно заявила начальница. – Однозначно другую завел. Ты замечала за ним какие-то изменения?

– Да вроде нет... – промямлила Ира, покраснела и тут же начала оправдываться: – Да и некогда мне было, я же на двух работах пахала, как та лошадь. Мечтала только о том, как бы прийти домой и выспаться. Так что нет, не замечала я. А что я должна была заметить?

– Ну, тут целая наука! – воскликнула Надя, махнув рукой. – И вообще, жены всегда знают, когда им изменяют, они, как радары, подсознательно улавливают каждую фальшивую ноту в мужском поведении.

– Ну а я вот не знала и не чувствовала, глухая оказалась, – резко оборвала ее Ирка, чувствуя, как от обиды внутри закипает нечто большее, чем просто чайник. Да какой там чайник, скорее целый вулкан! – Мой радар был занят сканированием горизонтов будущей квартиры, так что на всякие там «измены» просто не хватало оперативной памяти... – Она вдруг разозлилась так, что, словно споткнувшись о соб-

ственную невысказанность, притормозила и замерла. В голове опять возникли протестующие мысли:

«Ей-то легко говорить об изменах, о женской интуиции и прозорливости, это же не ее бросили! Моя же интуиция, видимо, в отпуске была или на больничном. Давать советы – это, конечно, проще простого! А попробовала бы она пожить так, как я со Степкой, вечно подстраиваясь и приспособливаясь, как хамелеон. Сил на эту «счастливую» семейную жизнь почти не осталось. Совсем я запуталась, как муха в паутине: что хорошо, что плохо? Откуда мне было взять пример, как строить семью, если в Новокузнецке отчимы постоянно менялись? Та еще школа жизни... Может, и к лучшему, что Степка ушел первым? Наверное, я не способна участвовать в таких сложных играх под названием «семья». Кто знает, возможно, я бы тоже сбежала, прихватив лишь остатки собственного достоинства. Хотя, если быть честной, он и этого не оставил. Как же всё это объяснить Наде? И молчать просто невыносимо. Моя голова сейчас, как переполненный чедодан, готовый вот-вот лопнуть!»

Совершенно не замечая идущих навстречу прохожих, Ира энергично взмахнула рукой, будто отбрасывая невидимую, но очень липкую воображаемую паутину, и развернулась к Наде. Та смотрела на свою всегда спокойную коллегу с таким изумлением, как будто увидела кактус, который вдруг расцвел и начал говорить на латыни.

Да, Ирка вмиг преобразилась! Как будто кто-то щелкнул

невидимым переключателем: на ее щеках вспыхнул лихорадочный румянец, такой яркий, словно там разгорались два крошечных, но очень злых огонька. Губы сжались в тонкую ниточку, а подбородок воинственно вздернулся, будто она готовилась к бою. В этот момент казалось, что она могла бы сразиться даже с самой судьбой!

Сейчас девушка была готова вывалить на Надю всё, что накопилось за три года семейной жизни. Открыть те самые тайны, о которых молчала. Рассказать о том, что действительно волновало и мучило ее до зубовного скрежета. Раньше молчала, а теперь ей отчаянно захотелось поделиться этим грузом, этим неподъемным мешком обид и сомнений хоть с кем-то. Даже с Надей! Ну и пусть та ее начальник. Пусть после этих признаний она ее даже уволит, и тогда уж точно не будет смысла просить о внеплановом авансе – Надя, скорее всего, его и не даст, да еще и посмотрит, как на сумасшедшую. Но Ирке уже было всё равно. Ее словно прорвало, как старую, но очень гордую дамбу, сдерживающую бурный поток эмоций, который теперь несясь, сметая всё на своем пути:

– Надь, ну я ж не совсем тупая и не такая уж наивная овечка. Да, я подозревала, что у Степки рыльце в пушку. Но одно дело подозревать, и совсем другое – знать наверняка, поймать с поличным, типа устроить «очную ставку» с пристрастием. А оно мне надо? Понимаешь, о чем я? Ну хорошо, ладно, узнаю я эту самую правду, и что мне с ней делать?

Повесить на стенку в рамочке? Знать и простить, как благородная графиня Воронцова? Оставить всё как есть и сделать вид, что мне по барабану его измена, словно я буддийский монах, достигший нирваны? Так он, блин, осмелеет и еще раз попробует, а потом еще и еще, пока не превратит мою жизнь в бесконечный сериал «Измены и прощения». А если мне захочется войны, что тогда? Решиться и идти на глобальные перемены в жизни – на развод? Так я, честно говоря, даже не представляю, как этот самый развод происходит. Все эти суды, скандалы, дележка ложек и вилок, адвокаты с хищными улыбками. Нет уж, пусть лучше всё будет так, как есть – он сказал, что уходит, вот и скатертью дорожка. Я свободна!

От такой внезапной исповеди, похожей на крик израненной души, Надя застыла, как статуя, и лишь открывала-закрывала рот. Наконец, покачав головой, она попыталась вернуть Иру на землю:

– Ты как героиня восточной сказки, – с усмешкой заметила она. – В тех краях муж может просто махнуть рукой, сказать «развод», и всё, жена свободна. Но там жены с самого начала носят на себе всё свое богатство – одежду, украшения, как будто знают, что однажды их вот так выставят за дверь и оставят с тем, что было на них в момент оглашения «приговора». Но ты же не из тех восточных дурочек. Ты же у нас современная, с мозгами, а не в паранджу закутанная. И что, так и оставишь всё как есть? Даже не попытаешься

вернуть свое законное «совместно нажитое»? Ведь он и твои деньги прихватил!

– Да ну его к черту! – воскликнула Ирка. – Пусть забирает, мне от него ничего не надо. Обидно, конечно, и жалко, но не смертельно. С чего начинала, к тому и вернулась. И вообще, мне так противно даже думать о скандале из-за денег. Пусть пользуется. Хотя, честно говоря, я сомневаюсь, что он будет с ними счастлив. Я уже попрощалась с этим «совместно нажитым». Но, знаешь, пока без сна ворочалась после его ухода, столько слез пролила, что теперь эти деньги, можно сказать, сдобрены горько-соленым соусом. Не уверена, что Степке будет от них вкусно.

Надя покачала головой:

– Н-да, твоя позиция теперь ясна как день. А причину, почему тебя бросили, знать не хочешь?

– Нет, не хочу! Я ему шанс давала исправиться, понимаешь? Делала вид, что, как дурочка, ничего не замечаю. – Ирка не выдержала, и горькая усмешка исказила ее губы. – Вот он и исправился, по-своему. Мне, наверное, гораздо проще и удобнее не знать, что там за кулисами произошло. Раз ушел, значит, не любил. А раз не любил, то и зачем он мне? Одна проживу! – запальчиво выдохнула Ирка.

И тут же, словно из нее выпустили весь воздух, она сдулась, съежилась до размеров перепуганного мышонка и так жалобно взглянула на Надю, что та испуганно схватила ее за руку и прошептала:

– Что? Что еще случилось?

– Ой, Надь, даже не знаю, как сказать... Хотя нет, знаю!

– Ира решилась, словно нырнула в ледяную прорубь, и выпалила свою домашнюю заготовку, не раз отрепетированную за ночь: – Надь, мне за квартиру нужно платить, а деньги у Степана. Ты не могла бы выдать мне аванс, внеплановый? Я отработаю, честно-честно! – затараторила она, не замечая, что молитвенно сложила руки, будто вымаливала не аванс, а прощение всех грехов. – Я рассчитаюсь с хозяйкой, а потом в кафе у Джузеппе зарплату получу и верну тебе долг.

Надя ошарашенно молчала, переваривая этот внезапный поворот сюжета. А потом и ее словно прорвало, и она засыпала Ирку вопросами, как из пулемета:

– А какие, собственно, у тебя планы? Ты что, собираешься одна оплачивать эту квартиру, превратив себя в голодную, но гордую независимую женщину? И что, совершенно не станешь разыскивать своего Степочку? И домой к маме не вернешься, чтобы не портить ей сказку о своей придуманной счастливой московской жизни?

На все ее вопросы Ирка молча, словно китайский болванчик, то утвердительно кивала, то отрицательно махала головой. Она не произнесла ни слова, становясь всё растеряней. К концу этого «допроса с пристрастием» она выглядела настолько жалкой, что Надя, устыдившись своего напора, вдруг замолчала. А потом, словно ее осенило, внезапно улыбнулась и выдала:

– Слушай, мне тут повезло: уезжаю с внуками на море. Нелька попросила. У нее командировка за границу! – Она с гордостью расправила плечи, словно сама была виновницей успехов дочери, и добавила: – А квартиру свою без присмотра оставить не могу. Сигнализацию никак не поставлю, руки не доходят, – пояснила она, разводя этими самыми руками. – Так что давай-ка ты ко мне переезжай. Месяц поживешь бесплатно, на квартиру накопишь.

Ирка хотела отказаться, но Надя, похоже, уже всё решила. Ее голос звучал твердо и не оставлял места для возражений:

– Не спорь, – сказала она. – Мне так будет спокойнее. – Она хмыкнула: – За квартиру! Я тебе ее доверяю. Ты же не чужая. Поживешь, побудешь сторожем, да и цветы мои кто-то же должен поливать! А когда я вернусь, то мы вместе что-нибудь придумаем, как тебе дальше жить.

– Но как же быть с той квартирой, где мы со Степкой раньше жили? Если я съеду, то хозяйка меня совсем выселит, договор расторгнет. И вообще... – Ирка замаялась и переступила с ноги на ногу. – А вдруг Степка туда заявится, а меня там нет...

– Ой, да брось ты, – беззаботно отмахнулась Надя. Ее глаза заблестели, она уже приняла решение и шла к его реализации. – Тоже мне, проблема. Квартира твоя не хоромы. Сама же говорила, что она у черта на куличках, да еще и вся такая... винтажная. Давно тебе пора ее сменить. А Степка... Захочет, найдет! – безапелляционно отрезала она и словно

точку поставила: – Съезжай, не раздумывая.

С этими словами Надя нырнула в свою бездонную сумку, извлекла оттуда несколько пятидесятирублевых купюр и протянула Ирке.

– Неудобно как-то... – прошептала та, отчаянно краснея.

– Да ладно, неудобно. Это же не подачка. Считай, что это мой вклад в твою будущую счастливую жизнь. Потом отдашь, мне не к спеху.

Ирка, чувствуя, что жар приливает к щекам, неловко сжала купюры: они казались ей горячими, как из печки.

– Но... – снова попыталась она отказаться, но Надя уже перешла в наступление:

– Никаких «но»! – отрезала она. – Сейчас едешь к себе, отдыхаешь, затем быстренько собираешь вещи, рассчитываешься с хозяйкой и завтра ко мне. Прямо с утра. Адрес я тебе скину на телефон. Всё! – кивнула она и чуть мягче добавила: – А то, что ты там про Степку говоришь... – Надя махнула рукой, словно отгоняя назойливую мысль. – Он, милая моя, видимо, давно уже сам по себе. Да и ты не вещь, чтоб на одном месте сидеть и его ждать. Так что не парься.

Слегка приобняв ошарашенную Ирку, она подтолкнула ее ко входу в метро, а сама, развернувшись на каблуках, направилась на остановку маршрутки.

Надя, довольная собой и своим планом, уже представляла, как будет нежиться на солнышке, пока Ирка тут присматривает за ее квартирой. В ее голове всё было четко и ясно,

как в хорошо отлаженном механизме. Она была уверена, что поступает правильно. «Вон сколько хороших дел сразу: и я спокойно уеду, и Ирке, этой бедолаге, помогу. Она, правда, сопротивляется и еще не понимает, как ей подфартило, ну да потом поймет и будет благодарна». Надя привыкла по жизни принимать быстрые решения и, в отличие от некоторых, всегда знала, как лучше для всех. Ну а для себя, конечно, в первую очередь. Сделав доброе дело, она больше не думала об Ирке: она уже мысленно паковала чемоданы и выбирала купальник.

Ирка же стояла, словно громом пораженная. В голове крутились мысли, одна сумбурнее другой. Квартира, Степка, Надя, море, деньги... Всё это смешалось в один большой, непонятный клубок. Она чувствовала себя марионеткой, которую дергают за ниточки, но не могла найти в себе силы сопротивляться. Надя была похожа на стихию – мощную, неумолимую, но на удивление понимающую и щедрую. Ирка, как щепка в бушующем потоке, неслась туда, куда ее толкала эта стихия. В глубине души она понимала, что Надя, возможно, и права, но сердце сжималось от тревоги и неопределенности.

Что ждет ее в этой новой, навязанной реальности? Сможет ли она окончательно распрощаться с прежней, пусть и не идеальной, но ставшей привычной семейной жизнью? Найдет ли ее Степка, если она исчезнет из их некогда знакомого и понятного, а теперь до боли чужого мира? Или он даже не

заметит ее отсутствия? Будет ли вообще ее искать? Вот интересно, где Степан сейчас? И нужен ли он ей?

Эти вопросы, как неразрешимые загадки, оставались без ответов. Они висели в воздухе, причиняя беспокойство.

«Да уж, вот так пируэты судьбы!» – удивленно прошептала Ирка, провожая взглядом удалявшуюся Надежду, которая в одночасье из строгой начальницы вдруг превратилась в добрую фею, а вернее, почти подругу.

Степан, или От семейного узника до короля свободы

Рабочий день подошел к концу. Офисные труженики, измученные духотой кабинетов, ручейком потянулись на свободу. Среди них выделялся Степан Воронцов: высокий, крепкий, с короткой стрижкой «ежиком», в безупречном деловом костюме, с кожаным портфелем в руке. Стремительно покинув высотку и помахивая портфелем, словно крылом, он легко сбежал по ступеням, ослабил узел галстука и улыбнулся своим мыслям. Настроение было превосходным.

Степан не чувствовал ни капли сожаления или угрызения совести о распавшемся браке – напротив, последние дни он буквально парил на крыльях свободы. Да какой там парил! Он ощущал себя венцом творения: умный, самодостаточный, чертовски привлекательный. А недавняя победа над «настоящей королевой» и вовсе вознесла его на пьедестал. Он чувствовал себя если не богом, то уж точно властелином мира, которому подвластно всё. Да, именно так! Какие уж там сожаления, какие бывшие жены? Впереди открывались такие головокружительные перспективы, что захватывало дух!

Всё изменилось в один миг. В его жизни появилась *Она*. Женщина – именно так, с большой буквы, с благоговейным

трепетом (который Степан прежде считал уделом романтиков-неудачников), думал он о той, с кем его свела судьба. Жизнь – эта хитрая штучка, мастерски плела свои «случайности», хотя кто разберет, случайны ли они, когда складываются в такой удачный пазл? Отправляясь на переговоры с руководителем архитектурно-дизайнерского бюро, он думал лишь о контракте. Флирт? Романтика? В его графике для этого не было места. Но стоило ему увидеть ее... и всё. Он пропал! Исчез. Испарился. Это было похоже на подарок судьбы, свалившийся прямо на его, как он полагал, безупречно холодную голову.

Вместо ожидаемого типичного офисного клерка, возможно, занудной дамы неопределенного возраста, увлеченной чертежами и сметами, перед ним предстала Стелла. Не просто руководитель, а... явление. Ее взгляд, изучающий и одновременно обжигающий, проникал в самую суть Степана, в одно мгновение обезоружив его привычную самоуверенность. Она говорила о линиях, формах, пространстве и цвете с такой страстью, что Степан, человек, привыкший к сухому языку цифр и далекий от сантиментов, почувствовал, как внутри что-то дрогнуло, как оживший механизм.

Ее голос – мелодичный и обволакивающий – завораживал, а легкая улыбка, с которой она обсуждала сложнейшие концепции, заставляла забыть обо всем на свете. Степан, привыкший диктовать условия всем женщинам без исключения, вдруг поймал себя на том, что ловит каждое ее слово,

как откровение, словно слышал самую важную информацию в своей жизни. В тот момент, в тишине ее кабинета, он понял: его упорядоченный, предсказуемый мир дал трещину. И эта трещина оказалась пугающе, невероятно притягательной. Она требовала перемен. Она требовала *его* перемен.

Степан невольно улыбнулся своим мыслям. Направляясь к стоянке, он на ходу привычным жестом извлёк из кармана смартфон, и пальцы сами нашли нужный контакт. Вот он – этот сладкий, почти болезненный момент ожидания! Сейчас он услышит ту, что стала его личным солнцем и луной, его личной... Ну, в общем, той самой. Стелла! Одно лишь имя звучало как заклинание.

Она ответит. Он предвкушал этот голос: низкий, бархатный, как обволакивающий шелк. Стоило ей произнести привычное: «Доброго времени суток», как он замирал на полуслове, не в силах нарушить хрупкую магию мгновения. Этот голос был его личной симфонией, афродизиакom, единственной музыкой, которую он готов был слушать бесконечно. Он будоражил, парализовал, околдовывал, заполнял его до краев, вытесняя все мысли.

Этот морок обычно длился всего миг, но и его хватало, чтобы Степан безропотно соглашался на любые условия. А она, эта повелительница его сердца, обязательно что-то предложит: место и время встречи, если, конечно, в ее звездном расписании найдется «окошко». Он грезил о том, как снова увидит ее, утонет в ее глазах. А потом... О, потом!

Возможно, он окажется в ее личном королевстве, где сможет не только любоваться ее безупречным телом издалека, но коснуться его, обнять, целовать, почувствовать под своими руками. Она – богиня! Разве могла какая-то Ирка сравниться с такой Женщиной?

Погруженный в сладкие мечты, почти закрыв глаза в предвкушении, мужчина вслушивался в раздающиеся из трубки монотонные гудки. Один, второй, пятый... Тишина. Растерянность окатила его, как холодный душ. Но надежда – упрямая и слепая – заставила набрать номер снова. И снова. Он уже не замечал, как его пальцы, еще минуту назад дрожавшие от страсти, продолжают механически набирать заветные цифры, но...

Но телефон, этот предательский кусок пластика, оставался глух. Еще мгновение назад Степан парил на крыльях воображения, а теперь почувствовал, как почва уходит из-под ног. Кожаный портфель, еще недавно бывший «крылом» успеха, вдруг стал тяжелым, тянущим к земле якорем.

Он опустил руку, словно телефон обжег его. Лицо, озаренное недавним восторгом, исказилось гримасой недоумения, а затем – паники. Как же так? Неужели? Неужели его личная симфония, его личная... Просто не берет трубку? Или, что еще хуже, *не хочет* брать?

В голове, где только что витали образы бархатного голоса и желанного тела, закружился вихрь вопросов. Что случилось? Забыла? Занята? Или всё, что он себе нарисовал, лишь

сон, иллюзия?

Он, привыкший считать себя неотразимым и к тому, что женщины на его звонки отвечают мгновенно, не мог поверить в происходящее. Степан стоял посреди парковки, чувствуя себя до нелепости ненужным, и смотрел на телефон, как на врага. Телефон, который должен был стать мостом к счастью, вдруг превратился в стену. И за этой стеной – тишина. Не та волнующая тишина, что предшествует ее голосу, а глухая, равнодушная тишина, кричащая: «Нет».

Мужчина вздохнул. Глубоко, сдавлено. Мечты, еще мину-ту назад осязаемые, рассыпались в прах, как карточный домик от легкого дуновения. Он сунул телефон обратно в карман, словно пряча улику собственного безумия, и, ссутулив-шись, направился к машине. Шаг стал тяжелее, а взгляд потускнел. Автоматически открыл дверь, сел за руль. Прежде чем завести мотор, еще раз взглянул на экран телефона. Ни-чего. Ни пропущенного звонка, ни сообщения.

«Ну что ж, – подумал Степан, заводя двигатель, – сего-дня не судьба». Легкая, почти незаметная усмешка тронула его губы, когда он выруливал со стоянки, оставляя за собой лишь шлейф раздражения и терпкий аромат дорогого одеко-лона.

Но это был уже не прежний Степан. О нет. Он преоб-разился, перешагнув из той унылой серой реальности, где единственным смыслом было «не проколоться и побольше урвать», в новую, бурлящую жизнь, полную чувств, которые

он раньше даже не мог себе представить. Сейчас он был до краев наполнен решимостью, дерзостью и той самой жаждой действия, которая раньше была ему так же чужда, как и искренние эмоции.

Завтра. Завтра он попробует снова. Ведь не могло такого быть, чтобы она о нем забыла. Да ну нет! Но если вдруг эта глупая мысль закралась ей в голову, то... Он так просто не отступится. Она еще не знает, на что способен этот новый Степан. Он больше не тот жалкий Гулькин. С ним так нельзя. Не для этого он три года, подавляя себя, играл роль почти идеального мужа, терпел эту... мишуру. Теперь, когда все карты легли, как планировалось, – он свободен, носит красивую фамилию, которая сама по себе уже заявка в лидеры, и обладает капиталом, достаточным для настоящего рывка, – пришло время кардинальных перемен. Он готов. А если вдруг...

Всё сначала? Опять с нуля? Становиться тем самым жалким романтиком с цветами и серенадами под окном, что так нравятся некоторым женщинам? Боже упаси – это ниже его достоинства! А может, ну ее, эту Стеллу? Взять и найти новую «личную симфонию» без этой утомительной нежности? Мир полон мелодий, ждущих своего исполнителя, и голосов, желающих быть услышанными. И его голос, конечно, готов прозвучать, но... Второй такой Стеллы он вряд ли встретит.

Впрочем, тратить время на тех, кто не слышит музыку его души, он не намерен. Это глупо. Но и отодвигать себя на

второй план, игнорировать себя тоже не позволит. Это не в его правилах.

Степан свернул на широкую дорогу, где огни города отражались в мокром асфальте. В голове пульсировала новая мелодия – дерзкая, уверенная, с яркими аккордами предвкушения. Он не знал, что именно принесет завтрашний день, но одно было ясно: хватит ждать. Пора действовать! Он больше никому не позволит отвергнуть себя. Особенно ей.

Степан, как мастер убеждений, или от Гулькина до Воронцова

Степан? Романтик? Он бы рассмеялся в лицо любому, кто осмелился бы приклеить ему такой ярлык. Сам себя он таковым не считал и в упор не замечал за собой подобных порывов. Особенно в браке с Иркой – женщиной, которую он почему-то ненавидел с особой яростью.

Возможно, причина крылась в ее превосходстве: Ирка была умнее, благороднее, справедливее и душевно тоньше его – настоящий «подарок судьбы», который Степан не мог принять. Или же его терзали эти вечные угрызения совести? Он врал ей на каждом шагу, изворачивался, но не разводился. Терпел? Нет, просто привык. Она его устраивала, была удобна, а он, прикрываясь маской джентльмена, этим пользовался. Правда, если бы он хоть немного старался, может, всё и сложилось бы иначе, со временем. Он же видел, что Ирке хотелось этой дурацкой романтики, но Степан такую потребность категорически отвергал: просто потому, что не умел и не хотел учиться. Не дано, хоть убей!

Возвращаясь в свою новую, «свежеснятую лично для себя берлогу», Степан впервые поймал себя на крамольной мысли: а может, зря? Может, стоило освоить науку обольщения, как у того самого Казановы? Чтобы со Стеллой вести себя

более... Ну, скажем так, более *по-мужски*. Женщины любят властных, «плохих парней». Он усвоил это еще в школе, когда пытался быть примерным мальчиком, надеясь завоевать сердце красивой девочки. Каким же дураком был! В ответ лишь насмешки, игнор и обидное прозвище «Гулька». Вероятно, именно тогда в нем и зародилась эта глухая ненависть и презрение к женщинам.

Но Стелла... Эта необычная женщина появилась внезапно и превратила его в послушного щенка, податливого и заискивающего. Того и гляди, начнет на команды реагировать и хвостом вилять. Это открытие пугало, но в то же время дарило странную, почти болезненную надежду.

Написав записку бывшей жене, Степан не испытывал ни малейших угрызений совести. Три года с Ирккой? Пусть скажет спасибо, что он вообще ей их посвятил – просто потому, что лучшего варианта не находилось. Ушел бы раньше, если бы мог. Теперь же всё встало на свои места.

Он ни о чем не жалел. Ушел как мужчина: по-английски, без лишних сантиментов, объяснений и оправданий. Да и не в чем было оправдываться. Когда три года назад он «осчастливил» эту провинциалку предложением руки и сердца, то и не думал задерживаться в статусе семьянина так надолго. Три года – черт возьми, сколько времени впустую!

Хотя, признаться, эти годы семейной жизни были не так уж и плохи. Ирка оказалась женой заботливой, услужливой, неконфликтной и благодарной. Поначалу его это даже радо-

вало. К тому же она потрясающе готовила – Степан даже набрал лишний вес в первый год. Потом спохватился, кинулся в спортзал и потребовал у жены диетических блюд. Он ведь не гусь на откорме. У него другие планы и запросы к своей внешности.

А еще он с дьявольской легкостью втюхал ей идею ипотеки. Наивная дуручка, приняв его «правила игры» за чистую монету, доверчиво поверила, что он действительно копит на их светлое будущее. «Вот еще, нашла лоха, – хмыкнул он. – Влезать в ипотеку, чтобы потом всю жизнь горбатиться на банк с этими драконовскими процентами? Нет уж, увольте».

Копить? Зачем, если можно инвестировать в себя? Его план был более изыщен: найти состоятельную спутницу с собственной квартирой. Чтобы привлечь такую, требовался безупречный фасад: брендовые вещи, рельефные мышцы и взгляд, полный уверенности, – классические атрибуты успеха. Часть денег Ирки уходила на поддержание такого имиджа, остальное Степан, считавший себя тонким стратегом, пускал в дело. Никаких вульгарных казино или банальных карт – у него был стойкий иммунитет к азарту, чтобы не попасть в ловушку зависимости, как Игрок у Достоевского. Нет, его игры были куда более утонченными, цивилизованными. Его стихией была биржа.

Рискованно? Безусловно. Но кто не рискует, тот не пьет шампанского... или не получает чужую недвижимость! Степан играл по-крупному. Не сразу и не всегда эти риски

оправдывались. Конечно же, он пытался составить такой портфель акций, который будет обгонять рынок по доходности на длинные дистанции, но понимал, что высокая доходность напрямую связана с рисками более высоких потерь, и поэтому далеко вперед не загадывал. Он не просто верил в удачу, он действовал: маниакально изучал котировки, виртуозно общался с нужными знающими людьми, обрстал полезными связями. И однажды, сыграв на понижение, он сорвал куш! Начало положено! Ирка, эта доверчивая курочка, исправно несла золотые яйца, пока не превратилась в отработанный материал. Теперь, когда цель была достигнута, она стала лишь досадной помехой на пути к новой, более «достойной» партии.

И пусть не обижается. Он ведь выполнил свою часть договора: сделал ее замужней женщиной, обеспечил пусть и подмосковной, но пропиской. Три года под его «крылом» – достаточный срок, чтобы она успела утомить его своей простотой и удушающей заботой. Официальный развод? Пустая формальность, на которую не хотелось тратить время. Потом разрулит. Нужно было уходить, пока жена не вцепилась в него со своим «участием».

Пора заканчивать. Ее миссия выполнена: она заботилась о нем, кормила, берегла его деньги, добавляя к ним свои – немалые! Но главное – подарила ему новую жизнь. Вернее, новую фамилию. Именно «Воронцова» стала причиной его страстного предложения руки и сердца. Да и как он мог

упустить такую возможность? Как же он тогда расстарался! Клялся в «безграничной» любви, обещал золотые горы, уверял, что готов даже взять ее фамилию, и легко убедил ее оставить свою. Она поверила! Так и не разгадала истинных мотивов (а еще умной себя считала!), а он не собирался открываться. У нее – почти царственная фамилия, а у него – ничтожная «гулькин нос». Унизительно для такого, как он. Да он буквально рвался к алтарю, мечтая сменить позорное «Степка Гулькин» на звучное «Степан Воронцов»!

Ну вот и всё! Стороны соглашения получили свои пряники, пора разбежаться. По крайней мере, так решил он. В конце концов, он не первый и не последний, кто сбрасывает надоевшую жену, как балласт.

Что с ней станется? Не пропадет же, в самом деле. Не в глуши – в Москве. Да и «хлебная» профессия не даст пропасть. А квартира? Ну тут огромный простор для фантазий – может снова, как раньше, устроить «коммуналку» с подружками или искать нового мужа. Он не против – пусть развлекается. А не захочет оставаться в столице – пусть катится в свой Новокузнецк и кует свое счастье там.

Ему совершенно безразлично, какой сценарий она выберет. Кто сказал, что расставание – это трагедия? Иногда это просто смена декораций, где каждый начинает играть новую роль.

Ирка и ее паранормальные решения. От пресного компота до шипучего швепса, или Как я убила скуку и переехала

Она это сделала! Ох да, сделала. Невероятно! С ума сойти, как же ей было страшно! Сердце колотилось где-то в горле, как пойманная птица, но теперь всё позади. Обратной дороги нет, как пишут в тех душераздирающих романах, где герои бросают всё к чертям и сами бросаются в «пучину страстей».

Ирка, конечно же, ни в какую пучину, а тем более страстей бросаться не собиралась. Она лишь попыталась кое-что изменить в своей жизни, но была горда даже такой маленькой победой. Зачем теперь дрожать, когда все мосты за собой не просто сожжены, а еще и для верности взорваны. И что там ждет впереди, кто его знает, но Ирка была уверена, что точно не скука.

Удивительно, но Надя оказалась права – жизнь вдруг заискрилась, наполнилась радостью, как будто кто-то щедро добавил в нее маленьких пузырьков. Раньше дни текли вяло, как застоявшийся пресный компот из каких-то там сухофруктов, а теперь... Ого-го! Этот компот теперь напомина-

ет нечто куда более дерзкое, что-то вроде «Швепса» – сладко-лимонно-горькое, шипучее и с характером. И всё потому, что Ирка решилась. Да.

Придя домой после разговора с Надей, она тут же, пока не передумала, позвонила хозяйке – тете Клаве. И заявила, как отрезала: «Мы съезжаем. И я хочу рассчитаться». И пояснила, что да, мол, они с мужем так решили (не скажешь же ей, что это Степка первый так «решил», самостоятельно и немного раньше). Ну и что с того, что внезапно? Да, вот такие они, Ирка со Степаном, ходячие сюрпризы, непредсказуемые и решительные, а Ирка так и вовсе паранормальное явление. Вот так.

– И нет, не уговаривайте, тетя Клава, – твердила она хозяйке, словно заклинание, когда та явилась почти сразу. – Мы сюда больше ни ногой. Нашли другое гнездо и хотим улететь прямо туда.

Ирка уже и сумку собрала, все свои скромные пожитки туда сложила, ни одной хозяйской вещи с собой не прихватила: «Можете сами проверить!» – настаивала она, предлагая той хоть всю ее сумку перевероршить.

Целый час Ирка держала оборону, не поддаваясь на уговоры хозяйки пожить еще месяц. И уже полезла было в карман за теми самыми деньгами, которые недавно одолжила ей Надя для расчета за квартиру, как вдруг... Чудо чудное! Хозяйка, тяжело вздохнув, сама полезла в свою сумочку. Долго там копалась с видом кладоискателя и вытащила очки и ка-

кой-то пожелтевший листок. Нацепив на нос очки и сквозь них злобно сверкнув глазами на Ирку, она несколько раз перечитала бумагу и, снова вздохнув, произнесла с ноткой обреченности:

– Ладно. Раз надумали, так съезжайте. Тот задаток, что Степан тогда вносил, пойдет в счет оплаты за этот месяц. – Она хитро прищурилась, оглядела Ирку, словно оценивая добычу, и добавила с притворной жалостью: – Но, сама понимаешь, цены-то теперь кусаются, так что одного задатка, увы, не хватит.

– Что? – изумленно переспросила Ирка.

Она отказывалась понимать происходящее. О каком задатке Клава вообще говорит? Неужели Степка ей какие-то деньги вперед отдал, как аванс за квартиру? Вот это сюрприз, да еще какой... Но хозяйка, уловив ее замешательство, поняла по-своему, приняв за возмущение, и тут же защебетала ележным голосом, словно намазывая маслом каждый звук:

– Ну а как ты думала, милая? Это ж когда еще твой Степочка мне аванс-то платил? Обесценился он. Добавь еще пять тысяч, и мы в расчете.

Ирка, не веря в собственное счастье, не торгуясь, на ощупь отделила в кармане одну купюру и дрожащей рукой протянула ее хозяйке. Та, как хищная птица, стремительным жестом выхватила пяти тысячную и сунула к себе в сумку. Елейность из голоса тут же исчезла, словно растаяла в воздухе. Она сварливо оглядела Ирку и заявила:

– Но учти, больше я вас к себе не поселю. Просить будешь – не поселю! Вот так! – и нетерпеливо протянув руку, потребовала: – Давай ключи.

Ирка лишь молча кивнула, сунула хозяйке ключи и, подхватив сумку, словно спасательный круг, выскочила из квартиры. Когда-то она считала это место домом, но теперь оно казалось лишь декорацией к прошлой жизни. Всё! Она сделала это: рассчиталась и даже осталась в выигрыше.

Оказалось, можно было не просить у Нади так много, ну да ладно. Сейчас она к ней приедет, вернет остаток, и долг сократится до пяти тысяч. Пустяки! Эту сумму она легко заработает у Джузеппе, пока Надя в отъезде. А пока – пора по адресу, который начальница скинула ей на телефон. Новая квартира, новые инструкции... А там видно будет. Главное, начало новой жизни положено, и оно совсем не кажется мрачным. Ирка улыбнулась: что бы там ни говорили о ней, а она – везучая!

Добравшись до места, Ира замерла перед старинным домом, пораженная его красотой. Здание в тихом переулке словно застыло во времени: нежно-желтые стены, ажурная белая лепнина, изящно обвивающая дом, и балкончики с балюстрадами, напоминающие взбитые сливки на праздничном торте.

Встречая в Москве такие архитектурные жемчужины, будто шагнувшие к нам из прошлой эпохи, Ира испытывала тихую радость, будто находила утраченную частичку души

города. Эти дома создавали особую атмосферу. Они были островками покоя и красоты, хранителями истории, в противовес безликим бездушным новостройкам из стекла и бетона, которые, словно серые тени, поглощали столицу. Ирка терпеть не могла серый цвет. А здесь, перед ней, дышал красотой и очарованием старины живой кусочек прошлого. Хорошо! Обрадованная тем, что ей выпала возможность пожить в этом чудесном месте, она уверенно нажала кнопку домофона.

– Это что, и все твои вещи? – открывая дверь квартиры, изумленно спросила Надя, когда Ирка, переминаясь с ноги на ногу, стояла на пороге.

– Ну да. А что? – тут же переспросила Ирка, вскинув брови и не понимая сути вопроса: может, Надя считала, что ей вообще нужно было без собственных вещей приезжать? Или ожидала, что у Ирки этих вещей будет намного больше?

Хотя вещей у нее и в самом деле было немного, но вовсе не из-за бедности. Она себя нищей не считала. Экономной – да, бережливой – безусловно, но вот бедной... Ну уж нет. Когда Степан называл ее «глупой и немодной», она даже не обижалась, лишь мысленно усмехалась.

Ирка давно разучилась обижаться – какой смысл?

С тех пор как она начала самостоятельную жизнь в Москве, ей пришлось стать настоящим финансовым гением, жонглирующим каждой копейкой. Нужно было не только самой выживать в каменных джунглях, но и помогать ма-

ме: хоть иногда отправить перевод (сама себе слово дала). Поэтому каждая покупка проходила через сито тщательных размышлений и была результатом долгих стратегических баталий с собственным кошельком.

Ирка не была героиней шоу под названием «Купить на распродаже подешевле» и не пыталась успеть за каждым писком моды, как за последним поездом. Нет! И хоть никто ее этому не учил, стала мудрой хозяйкой своего гардероба: выбирала лишь то, что служило ей верой и правдой, а не пылилось в шкафу мертвым грузом.

Курточка? Только добротная и практичная, чтобы, как говорила бабушка, «и в пир, и в мир, и в добрые люди», и чтобы не развалилась после первой стирки, превратившись в тряпку для пола. Обувь? Непременно кожаная, удобная и на устойчивом каблуке, чтобы долгие прогулки по московской брусчатке не превращались в пытку.

Правда, все эти дорогие и продуманные «сокровища» появились у нее еще до замужества. После свадьбы коллекция перестала пополняться: когда главной целью становится собственная квартира, не до обновок. За три года «счастливой» семейной жизни Ирка почти не тратила на себя, довольствуясь тем, что было. Ее благоверный Степан, похоже, был только рад такой экономии. Еще бы – жена обходится почти даром!

При этом Степан, мнивший себя экспертом в высокой моде, не упускал случая высмеять Иркин шкаф с одеждой. Тот

еще знаток! Он не догадывался, что за его едкими замечаниями скрывалась совершенно другая реальность: вещи Ирки, хоть и не кричали о своей принадлежности к модным домам, стоили, мягко говоря, немало. Многие из них когда-то обходились ей в месячную зарплату и могли бы вызвать зависть у любого стилиста своей безупречной долговечностью и универсальностью. Классика она такая – никогда не стареет и всегда в тренде, но Степан этого не понимал. А Ирка лишь загадочно молчала: у нее был свой, выверенный до мелочей подход к формированию гардероба.

«Скупой платит дважды», – напоминала себе Ирка, выбирая каждую вещь с особой тщательностью. Новая покупка в ее шкафу занимала место, словно недостающий фрагмент сложной мозаики. «Этот свитерок – к той юбке? Отлично! А с джинсами? Идеально!» – думала она, предвкушая новые образы. Ее вещи не просто сочетались – они «дружили» между собой, образуя гармоничное целое. А Ирка, в свою очередь, относилась к ним с особой теплотой, как к верным союзникам. Каждая вещь была ей дорога, как часть самой себя.

Знакомые девчонки часто картинно вздыхали: «Шкаф ломится, а надеть нечего!» Ирка лишь равнодушно пожимала плечами, поддерживая игру: «Да-да, конечно». Но ее собственная жизнь была устроена иначе, и это «иначе» можно было легко уместить в одну большую сумку. Ничего лишнего, только самое нужное, самое любимое, самое «Иркино».

В этой сумке хранились не просто юбочки и кофточки, а

целая философия жизни. Где практичность рифмовалась с достоинством, а бережливость танцевала в паре с внутренней свободой. Степан мог сколько угодно хмыкать, но Ирка знала: ее вещи – это не просто одежда, а символ маленькой победы над суетой и навязанными стереотипами.

Так уж получилось, что ничего своего, кроме одежды, у нее не было. Ни накопленных фамильных богатств, ни ценных реликвий – в ее небогатом прошлом неоткуда было взяться наследству или крупным приобретениям. Была лишь любимая чашка, купленная на первую стипендию – верная спутница всех переездов, с едва заметной царапиной на боку, словно шрамом от прошлых битв. И детская игрушка – старый заяц с оторванным ухом, когда-то заботливо починенный бабушкой. Но разве качество жизни измеряется лишь количеством? Каждый предмет в ее сумке был эхом прожитых моментов. Моментов было немного. И эта сумка, которую Ирка сейчас втащила в квартиру Нади, служила тому немым доказательством.

Ирка не стала читать Наде лекцию о смысле бытия и гардероба. Она лишь молча пожала плечами: мол, ты же умная, сама придумай ответ.

Надя, к счастью, была не из тех, кто лезет в душу с расспросами, за что Ирка была ей искренне благодарна. Подруга лишь коротко кивнула, включив свой фирменный режим «вечного двигателя», затараторила:

– Проходи, разуйся, бросай сумку и пошли – покажу те-

бе свои хоромы. — Она вдруг осеклась и, обернувшись, с беспокойством посмотрела на Ирку: — Слушай, а с квартирой-то всё уладила? Долги закрыла, с хозяйкой рассчиталась?

— Да, — улыбнулась Ирка. Она кратко рассказала, как удачно удалось решить вопрос с оплатой. Еще по дороге она приготовила остаток денег, которые вчера одолжила у Нади, и теперь, вытащив их из кармана куртки, протянула подруге: — Вот, не понадобились. Теперь я должна тебе всего пять тысяч.

Надя отмахнулась с легкой усмешкой:

— Оставь себе. Тебе еще месяц здесь жить. Мало ли что, вдруг пригодятся. Отдашь, когда разбогатеешь! — Весело рассмеявшись, она потянула Ирку вглубь квартиры.

Знакомство началось с кухни. Ирка замерла на пороге, открыв рот: кто бы мог подумать, что в таком старинном доме скрывается такая стильная и современная кухня. Впрочем, чему удивляться? Надя была не просто начальницей, а настоящим вихрем энергии, креатива и деловой хватки. Ее пекарня, где Ирка работала в ночные смены, была тому лучшим доказательством: оборудование словно из будущего, чистота как в операционной, а уровень безопасности как на секретном объекте. Неудивительно, что вкуснейшая продукция, до которой конкурентам было как до луны, разлеталась мгновенно.

Оглядев кухню, оснащенную бытовой техникой не хуже малого космического корабля, Ирка хоть и восхитилась до

глубины души, но всё же не была поражена до потери сознания. Почти не была. Потому что всё же не удержалась и, сияя глазами, как новогодняя гирлянда, тут же осыпала Надю потоком восторженных комплиментов и звонких «ахов».

Надя, с удовольствием наблюдая за реакцией гостыи, довольно кивнула и, картинно взмахнув рукой, благосклонно произнесла:

– Пользуйся!

И повела ее дальше, демонстрируя квартиру.

Ванная оказалась под стать кухне: тот же комфорт, современность и безупречная стерильность. Терракотовая плитка с морскими раковинами, ослепительно белая сантехника и сияющая душевая кабинка выглядели восхитительно. Огромное зеркало во всю стену отражало изобилие баночек и флакончиков на полках и стопку пушистых белоснежных полотенец.

Спальня встретила их лаконичным уютом: широкая кровать, вместительный шкаф, туалетный столик с пуфиком. У изголовья красовалась пара репродукций Климта, и на этом всё, ничего лишнего.

А вот гостиная... Она окутала их мягким, обволакивающим светом, льющимся из скрытых под потолком и вдоль плинтусов ламп. Мебель здесь казалась сотканной из облаков и мечты. А может, это Ирке просто показалось, но так или иначе огромный изогнутый диван манил присесть, а журнальный столик словно приглашал задержаться и на-

сладиться чашкой кофе. Вместо привычных картин на стене мерцал огромный экран, транслирующий завораживающие пейзажи далеких галактик. Вдоль стены тянулся внушительный стеллаж, уставленный диковинными статуэтками, замысловатыми вазами, изящными шкатулками, альбомами, книгами... В стильных горшках красовались экзотические цветы, которые добавляли комнате гармонии. Даже воздух здесь казался каким-то особенным, чистым и слегка озоновым, словно после грозы на другой планете.

Ирка застыла в изумлении.

– Ну, Надюха, ты даешь! – воскликнула она, всплеснув руками. – Такая квартира – и без сигнализации? Я теперь отсюда ни ногой: страшно оставлять такую драгоценность без присмотра!

Надя довольно хмыкнула, рассмеялась, обняла подругу и решительно потянула ее обратно на кухню.

– Давай обсудим, как ты будешь здесь без меня справляться, – предложила она.

На кухне они зависли на целый час. Ира, как прилежная ученица, впитывала каждое слово и даже записывала под диктовку «инструкцию по выживанию». В списке оказались телефоны проходящей домработницы (Ира отмахивалась: «Надь, да зачем же? Я и сама тут всё отполирую!»), сантехника и даже участкового – Надя настаивала, что это «на всякий случай», а Ирка с лишь с ужасом отмахивалась: «Не дай бог». В блокнот переключивали код домофона, пароль

от Wi-Fi и, конечно, рецепт идеального быстрого тирамису, без которого для сладкоежки Ирки новая жизнь в этой роскошной, но пока необжитой квартире казалась немыслимой.

– И самое главное, – Надя хитро подмигнула. – Если кто-то вдруг постучит, представится службой доставки – не открывай! Это наверняка тот самый назойливый сосед из квартиры напротив. Он же просто одержим идеей проникнуть ко мне в гости любыми правдами и неправдами! – Она театрально закатила глаза: – Надоед, сил нет. Ухажер недоделанный, как будто других женщин на свете нет.

Ирка рассмеялась:

– О, не волнуйся, я знаю, как его отвадить! Намажу лицо чем-нибудь ярко-зеленым и встречу его на пороге во всей «красе» болотной жабы. И хрипло спрошу: «Ты принес мне кофе, мой дорогой?» А потом квакну для верности. Уверена, напугаю до икоты.

Обе залились смехом, представляя эту сцену. Ирка даже перестала нервничать: страх перед одиночеством в чужой квартире понемногу отступал.

– Ну, вроде всё, – подытожила Надя. – Живи, отдыхай, ходи на работу в свое кафе. Тебе отсюда, кстати, добираться даже удобнее.

Ирка кивнула, чувствуя, как внутри разгорается уверенность под девизом «Я смогу!».

– Едь, Надюш, и ни о чем не переживай, – смело заявила она, отбрасывая последние сомнения. – Я готова к новой

жизни! А если что-то пойдет не так – позвоню.

– Да что там может пойти не так? – удивилась Надя.

– Ну мало ли... – задумчиво протянула Ирка, прищурившись. – Москва всё-таки. Вдруг меня украдут? – Она хмыкнула, представив, кому могла бы понадобиться настолько, чтобы решиться на похищение: – Если что, я подам тебе знак. Скажу что-нибудь эдакое, из шпионских фильмов.

– Типа «у вас продается славянский шкаф»? – прыснула Надя, вспомнив старую классику.

– Не про шкаф. Скажу, например: «Надя, я села на диету и похудела!»

– Ой, насмешила! Ты и диета – вещи несовместимые! Если я такое услышу, то примчусь немедленно спасать тебя от голодной смерти!

Под шутки и смех они обсудили последние детали Иркиного «заточения» в Надиной квартире. Убедившись, что подруга всё усвоила (или хотя бы сделала вид), Надя переоделась в свой «дорожный наряд», вызвала такси, и они, подхватив чемодан и сумки, спустились к подъезду. Надя отправлялась за внуками, а оттуда – напрямиком на вокзал. Её отпуск начался!

Оставшись одна в чужой квартире, где воздух был еще пропитан Надиными духами и едва уловимыми ароматами идеального порядка, Ирка неожиданно выдохнула. Как бывает, когда с плеч сваливается невидимый, но до боли тяжелый груз. А следом нахлынуло то самое, почти забытое дет-

ское счастье – острое осознание свободы, когда впереди целый день, полный приключений, и тебе совершенно никуда не нужно спешить.

Ирка огляделась. Квартира была уютной, но какой-то... чужой и пустой. Никого? Так это же прекрасно! Никаких Надиных советов и бесконечных вопросов: «А ты точно выключила утюг?». Только она, тишина и возможность делать всё, что взбредет в голову.

Она подошла к окну. Солнце заливало улицу таким ярким светом, будто решило разом компенсировать все пасмурные дни ее прошлого. Прохожие суеились, спеша по своим делам, а она стояла в этой незнакомой, но уже такой манящей квартире, чувствуя себя героиней какого-то совершенно нового, захватывающего романа. Ирка улыбнулась – искренне, широко, так, что, казалось, даже стены в комнате стали светлее.

– Ну что, Ирка, здравствуй, новая жизнь? – прошептала она. В этом шепоте было столько предвкушений, столько озорства, что даже сама квартира, казалось, подмигнула ей в ответ.

План действий созрел мгновенно: сначала разложить вещи и выбрать спальное место, затем – ревизия холодильника и что-то приготовить. А потом... Может, устроить «ленивый день»? Заказать пиццу, съесть ее целиком и ни разу не подумать о калориях? А что? Посидеть в тишине квартиры, поскроллить ленту соцсетей до полного отупения, побродить

по просторам интернета – Надя даже разрешила пользоваться своим ноутбуком. Впереди были дни абсолютного релакса и заслуженного ничегонеделания.

Ирка хмыкнула: неужели можно вот так просто лежать и ничего не делать? Непривычно как-то... Но попробовать-то можно! Мысли, яркие и заманчивые, закружились в голове, словно на карнавале. Внутри проснулось что-то давно забытое, детское, непосредственное, то самое, позволяющее радоваться мелочам и верить в чудо, пусть даже это чудо – всего лишь короткая передышка. Она решила: отдохнет. Со всем немного. Подумает о жизни, попробует наконец разобраться в себе.

Она прошла в гостиную, опустилась на мягкий диван. Тишина была такой густой, что ее можно было потрогать, и Ирка непроизвольно закрыла глаза, наслаждаясь моментом. Наконец-то она могла быть собой. Просто собой без всяких масок. Без оглядки на чужие ожидания и необходимости соответствовать чьим-то представлениям и навязанным ролям. Это было настоящее, самое желанное счастье, о котором она, кажется, уже почти забыла, запутавшись в повседневности «счастливой» семейной жизни. Пришло время спокойно всё распутать.

Ирка – «мудрая ворона» на фоне серых будней, или путешествие к себе

В той далекой «прошлой жизни», когда девочку Иру, словно надоевший предмет, отправляли к бабушке в деревню, она считала себя по-настоящему счастливой. Там вдали от дома никто не шипел ей в спину «лентяйка» и не смотрел с таким выражением, будто она – главное разочарование в жизни.

Ирка искренне недоумевала: ну какая она лентяйка? В свои десять лет она умела и картошку сварить (и даже не сжечь кастрюлю!), и белье постирать, и навести порядок к приходу матери. Но мама всегда была недовольна. Маленькая Ирка жила в постоянном напряжении, вздрагивая даже во сне: казалось, вот-вот раздастся окрик: «Чего разлеглась?» теперь уже за то, что она просто спит. Порой Ирке даже казалось, что мама ее больше не любит. После гибели отца в какой-то нелепой драке мама словно возненавидела дочь. Ирке доставались тычки и подзатыльники, даже если она ни в чем не провинилась. Чтобы не попасть под горячую руку (которая, казалось, у мамы всегда была горячеей), девочка старалась переделать все дела и сбежать на улицу, возвращаясь лишь тогда, когда мамин «гневный радар» немного

остывал. Со временем пришло горькое осознание: она просто мешала матери жить так, как той хотелось, вот и всё.

То ли дело у бабушки! Там она никому не мешала. Можно было спать хоть до обеда, пока солнце не начнет щекотать щеки. Бегать на речку, читать книжки, прыгать на скакалке, грызть кислые сочные яблоки или, жмурясь от удовольствия, губами собирать ягоды прямо с куста. В общем, жить, как свободный человек! А по утрам бабушка готовила свои фирменные гренки: хлеб в яично-молочной смеси, обжаренный до золотистой корочки и щедро посыпанный сахаром. Ирка тогда казалось, что вкуснее этого нет ничего на свете. Она прыгала от счастья, скача вокруг бабушки, как веселый мячик, и хвалила ее на все лады. Та лишь добродушно посмеивалась, шутливо замахиваясь полотенцем. Ирка не боялась – она знала, что это лишь игра. В этом доме не было ни криков, ни страха. Только тепло и уют.

Ирка обожала бабушку, особенно их вечерние посиделки, наполненные теплом и душевными разговорами. Бабушка – супермастер по оладьям – колдовала у печки, и жарила их целую гору. Они неспешно ужинали, пили душистый травяной чай, а потом, сытые до состояния «еще один кусочек не влезет», усаживались рядышком на стареньком диване, который, наверное, помнил еще динозавров. И бабушка, словно рассказывая сказку о какой-то загадочной девочке, начинала мечтать вслух:

«Вот вырастет Ирочка, поступит в техникум, а может да-

же в институт, чего там! Обязательно в кулинарный, туда, где учат на поваров да кондитеров. И научится она готовить такие вкусности, что все мои плюшки да оладьи и рядом не лежали. Придется мне старой учиться у нее!»

Ирка заливисто смеялась и обещала бабушке: «Обязательно так и будет! Освою все самые мудреные блюда и буду тебя угощать. А ты только успевай пробовать!»

«Да ты главное себя накорми в первую очередь, – притворно хмурясь, отмахивалась старушка. – Вон тощая какая, кожа да кости. А повар – профессия хорошая, хлебная, сытная. И сама не голодная будешь, и других сможешь накормить», – кивала бабушка, словно предсказывая счастливое будущее.

И всё уговаривала девочку быть понаглее да посмелее. А сама гладила Ирку по голове и тяжело вздыхала, причитая, что тяжко ей придется, Ирке-то, с таким-то ее жалостливым характером.

Ну кто бы спорил, что характер – наша путеводная звезда, и судьба Ирки была predetermined им с самого начала. Да, она славилась тем, что жалела всех вокруг, но глупой ее никто бы не назвал. Напротив, в ней жила цепкая житейская мудрость и обостренное чувство справедливости – такие же незыблемые, как заноза, засевшая глубоко под кожей. Она была как та самая ворона, которую в народе считают птицей умной. Ну вылитая Ирка! В этом сходстве, пожалуй, и кроется причина школьного прозвища – «Ворона». И называли ее так вовсе не со зла, нет! Скорее с оттенком уважения: «Ну,

Ирка, ты настоящая Ворона – мудрая».

Это, кстати, Серый придумал, он же Вовка Серов. Единственный друг, защитник, единомышленник и, чего уж там, главный «раскрашиватель» ее серых будней на окраине Новокузнецка. А раскрашивать было что. Зима в Новокузнецке – испытание не из легких, и приходилось ребятам, подобно барону Мюнхгаузену, вытаскивать себя из болота уныния и той беспроектной пьянки, в которую, словно в зимнюю спячку, погружалось почти всё взрослое население их района. Их детство проходило не в теплых уютных квартирах, а в старых бараках, подворотнях и подвалах. Ну еще в самодельных «пещерах», где они, как настоящие Робинзоны, воображали себя на необитаемом острове, фантазируя, что кроме них самих никого больше на свете нет. Чем не сказка? Почти как у обычных нормальных детей!

Может, у этих обычных детей, детство и правда было как сказка – веселое, беззаботное, теплое, с горами игрушек и книжек, с вкусными пирожками и пирожными. Вот только Ирка таких детей не встречала. В ее мире, среди таких же, как она, «счастливчиков», настоящим счастьем считалось наесться горячего хлеба прямо из пекарни или дорваться до картошки, запеченной на костре. Картошку, кстати, пекли сами, разведя костер на ближайшем пустыре, а хлеб добывал Серый. Откуда у него деньги, маленькая Ирка не спрашивала – он не любил таких вопросов. Он же был старше на целых два года, а в их возрасте это целая вечность, значит, и умнее.

Ирка не любопытничала, просто принимала его «братскую» заботу как должное и старалась отплатить тем же. Когда она возвращалась от бабушки, загоревшая, окрепшая, сияющая, то всегда привозила что-нибудь вкусное для Серого. Он был для нее не просто мальчишкой, а волшебником и главным соучастником всех их игр. Хотя какие там, по правде говоря, были игры...

Игрушек у Ирки было «кот наплакал». Разве что пластмассовая кукла Лиля, которая при наклоне закрывала глаза и жалобно пищала «мама» – совсем как живая! Да мягкий серо-белый заяц, где-то потерявший ухо, которое потом ему пришила бабушка, смастерив его из своего старенького чулка. Заяц был любимый, Ирка берегла его, как зеницу ока и, повзрослев, увезла с собой в Москву. Еще был маленький мячик, с которым она чувствовала себя королевой двора, прыгая по расчерченным классикам.

А потом книги – настоящее сокровище! «Доктор Айболит», «Незнайка в солнечном городе», «Девочка с Земли» про Алису Селезнёву, «Робинзон Крузо». Откуда они взялись в их доме, Ирка не знала, но зачитала их до дыр и знала почти наизусть.

Своего собственного, личного «добра» у нее было с гулькин нос, но относилась она к нему с такой трепетной бережливостью, что позавидовал бы любой коллекционер. Видимо, оттуда, из этого самого детства, и тянулось ее вдумчивое, почти философское отношение к вещам: ничего лишнего,

только самое важное. Психологи любят утверждать, что все наши фобии из детства, но ведь и привычки, и жизненные установки – оттуда же.

Например, ее стойкое убеждение, что мужчина-друг должен быть непременно старше. Ведь если старше – значит, умнее и сильнее. Он и защитит сможет, и, чего уж там, научит чему-то полезному. Наверное, именно поэтому зрелость Степана стала одним из весомых аргументов в пользу замужества.

Да уж, вот тебе и детские установки, которые незаметно превращаются во вполне себе взрослые решения. Никогда не угадаешь, по каким тайным тропам души мы выбираем тех, кто останется с нами рядом.

Никто не мог понять, почему из всей их дворовой компании Серый выбрал в друзья именно Ирку – эту серьезную кроху с двумя тонкими косичками, похожую на испуганного птенца.

Возможно, всё началось с того случая, когда ее, такую беззащитную, толкнули в огромную грязную лужу? Она плюхнулась туда прямо животом, и весь мир вокруг на мгновение замер. Растерянная и жалкая, она молча стояла посреди этой лужи, и слезы, горячие и горькие, текли по щекам. Боль? Нет, Ирке вовсе не было больно. Внутри бушевали обида, унижение и страх перед гневом матери – та, без сомнения, накажет ее за испорченное почти новое платье. Еще ей было ужасно стыдно. Знаете, так пронзительно, по-женски стыдно: мок-

рая, некрасивая, с прилипшим к телу платьем, подол которого задрался, открывая старенькие трусики в невнятный цветочек. Ей бы убежать, а она растерялась, застыла, не зная, что делать, куда идти, где спрятаться. Просто стояла, выпрямив спину, не в силах пошевелиться, словно пойманная в ловушку зверушка.

Вокруг смеялись. Особенно девчонки – громко и безжалостно, как будто это был самый смешной спектакль. Один только Серый почему-то не смеялся и даже не улыбался. Он стоял чуть поодаль, набычившись, с кулаками, засунутыми в карманы, и смотрел на Ирку не зло, а с какой-то... болью. В его глазах мелькнуло нечто, что заставило Ирку на мгновение забыть о слезах. А потом он вдруг шагнул к ней, неуклюже, но решительно схватил ее за тонкую, дрожащую руку и вытащил из грязной холодной лужи. Под улюлюканье и насмешки дворовых мальчишек повел ее к старому крану.

Не сказав ни слова, лишь хмурясь, он помог ей отмыться. Вода была ужасно холодной, почти ледяной, но Ирка даже не дрожала. Она была так удивлена, так ошарашена этой неожиданной заботой взрослого мальчика, что не сводила с него зачарованных глаз и не замечала ничего вокруг. В его движениях, в молчаливой поддержке было столько тепла, что холод воды казался уже несущественным. И когда она, закутанная в рубашку Серого, уже сидела на покосившейся лавочке, а ее платье, словно маленькое знамя, сушилось рядом на старом кусте, никто больше не смеялся. Все понемногу

разошлись, отворачиваясь и пряча глаза, словно почувствовав что-то, что не поддавалось их пониманию. А Ирка, согреваясь в рубашке Серого, чувствовала, как в ее маленьком сердечке зарождается нечто новое, очень теплое и светлое – дружба.

А может, всё началось с того самого позднего вечера, когда проголодавшаяся и продрогшая до костей Ирка увидела шатающегося Серого, который неуверенной походкой ковылял по двору? Ирка тогда, как обычно, в одиночестве сидела на той же лавочке и с видом страдальцы поглядывала на окна своей квартиры. Ждала, когда же там погаснет свет, как знак, что мама и отчим наконец-то легли спать, и можно будет проскользнуть домой, не рискуя нарваться на их «отеческую» заботу.

Сначала, увидев Серого, Ирка аж подпрыгнула от возмущения: «Ну вот, еще один! И он туда же – пить начал. Скоро станет таким же, как и все остальные обитатели их «уютного» барака...». Но потом в тусклом свете одинокого фонаря она разглядела нечто куда более тревожное: лицо у Серого было в крови, а руку он держал так странно, будто нёс хрупкую вазу. Что за чертовщина? Сгорая от любопытства, забыв про холод и голод, она подлетела к нему и робко тронула за рукав. Но Серый отшатнулся и, покачнувшись, начал медленно заваливаться на бок. Испугавшись до икоты, Ирка оттащила его к стене (и откуда только силы взялись?) и бесстрашно присела рядом.

«Что случилось? Тебе помочь?» – спросила она, чувствуя себя настоящим спасателем.

«Отойди, малая. Мне бы отлежаться...» – тяжело дыша, выдохнул он, явно не ожидавший от нее такого участия.

Но Ирка не отошла. В ее маленькой головке стучало: «Он с кем-то подрался, ему плохо, я должна ему помочь!» И тут же, забыв про все свои страхи, рванула домой за йодом, перекисью и бинтом. Знала, где всё лежит, и действовала так проворно и тихо, что даже мыши в подвале не шелохнулись.

Вернувшись к Серому, она набрала из-под крана воды в пивную банку, валявшуюся на земле (искусство выживания, не иначе!). Как смогла, промыла и обработала его раны, даже руку перевязала. И всё время тихонько приговаривала, как маленькому: «Всё пройдет, всё заживет». Запихнула ему в рот таблетку анальгина, дав запить из той же банки. А потом долго сидела рядом, укрыв Серого своей старой кофтой и положив его голову себе на колени.

И действительно, всё прошло и зажило: ей было двенадцать, ему четырнадцать – почти дети, но у каждого своя, отдельная жизнь. В них просто жила удивительная детская способность быстро забывать обиды и залечивать раны. Ирка была уверена, что они оба забыли о случившемся. Серый же, на какое-то время, стал для нее настоящим другом. И, особо не сближаясь, как-то так – на расстоянии, он помогал и оберегал.

А вот подруг у Ирки так и не появилось. Девчонки каза-

лись ей злыми и завистливыми – хотя чему, интересно, было завидовать? – а те в свою очередь считали Ирку занудой. И это было неудивительно: их миры почти не пересекались. Пока сверстницы курили за углом и щеголяли крепким словом, Ирка жила книгами, мечтами и фантазиями – вот такие разные интересы. А еще она часто пыталась представить, как же выглядит жизнь «обычных» детей после школы?

Наверное, они приходят домой, обедают, смотрят телевизор, делают уроки, а потом бегут гулять. Вот только Ирке так провести время удавалось редко. Да какой там редко – почти никогда! Обязательно какой-то кусочек выпадал из привычной картины дня, и идеальный пазл так ни разу и не сложился. То обеденный стол был пуст, то взрослые оккупировали комнату, отрезая путь к телевизору, то мама с очередным отчимом – третьим или четвертым – Ирка уже сбилась со счета – затевала шумную ссору. В такой обстановке об уроках не могло быть и речи.

В такие моменты Ирка хватала свои тетрадки и учебник, запихивала их в пакет и неслась из квартиры. Она забиралась на чердак, подтаскивала поближе к окну старый деревянный ящик, и встав на колени, принималась за домашку. Несмотря на пыль, затхлый воздух и неудобную позу она старалась изо всех сил.

Ирка, натура гордая и усердная, просто не могла смириться с двойками и тройками. Каждая выведенная буква давалась с трудом и сопровождалась тихим шепотом уговоров:

«Не плакать!». Она упрямо выводила цифры, мечтая лишь об одном – как однажды навсегда вырвется из этих стен.

Вырваться, уехать... Однажды она робко доверилась Серому и поделилась своей тайной мечтой. И, о чудо, он не рассмеялся, а поддержал! Правда, его поддержка была суровой, словно наставления грозного учителя: учиться непременно хорошо, чтобы стать не просто умной, а по-настоящему достойной. Ирония судьбы заключалась в том, что сам Серый, этот будущий «достойный», учился кое-как и школу частенько прогуливал.

Когда справедливая Ирка, не удержавшись, ткнула его носом в этот факт, он лишь пожал плечами с видом философа, постигшего все тайны бытия: «Не всем, Ирка, дано быть умным, кто-то же должен и землю пахать». И тут же добавил, что «пашет» он ради больной матери, потому что, кроме него, ей некому помочь. Где и кем именно трудился Серый, оставалось загадкой, окутанной туманом его молчания. Но одно было ясно: этот «землепашец» не забывал и о своей юной подруге и постоянно Ирку подкармливал – то сникерс из кармана достанет, то ватрушку принесет, а однажды даже притащил шаурму. Вот где вкуснятина! Конечно, они разделили ее поровну, по-дружески.

Ирка помнила, как в детстве они с Серым любили мечтать и загадывать желания, всегда одно и то же: «Много-премного денег!»

– А сколько это – «много-премного»? – с детской непо-

средственностью спрашивала любопытная Ирка, сидя рядом с ним на кособокой лавочке и размахивая ногами.

– Это когда не нужно даже думать, сколько их у тебя. Они просто есть, и всё, поняла, малая? – пояснял Серый.

Ирка верила ему безоговорочно, хотя в голове не укладывалось: как это, «совсем не думать»? Неужели есть такие дураки, которые не думают и не мечтают о них? О деньгах в их компании думали все и только о них и говорили. Темы разговоров были предсказуемы, как расписание электричек: где бы урвать побольше, чтобы закупить горы всего вкусно-го и блестящего А еще – как бы накопить на билет и сбежать из этого серого, унылого города, где даже небо кажется выцветшим, туда, где и солнце ярче, и трава зеленее, а люди, кажется, не пытаются вытащить у тебя кошелек из кармана при первой же встрече.

Это уже потом, когда Ирка повзрослела, сменила школьную форму на поварской колпак кулинарного колледжа и, в самом деле, наскребла денег на билет до Москвы, она поняла, насколько иной может быть жизнь. И да, своими глазами увидела тех самых «недумающих». Оказывается, есть на свете люди, которые живут вполне счастливо, не вздрагивая при виде ценников.

Какое-то время Ирка и сама примерила эту роль. Начав с суровых будней в столовых, где котлеты были тверже гранита, она наконец нашла свое место в кафе, где ароматы вкусных блюд, свежей выпечки и крепкого кофе смешивались с

тихой музыкой и смехом посетителей. Каждый день самостоятельной взрослой жизни в Москве был для нее как маленький праздник: она не просто зарабатывала, она наконец-то начала дышать.

Деньги появились. Не сказать, что она стала Рокфеллером, но ей хватало. Больше никаких голодных обмороков, как в детстве! Она могла позволить себе платье, от которого кружилась голова, косметику не «с рынка», поход с подругами в театр или на концерт, а иногда – о, роскошь! – просто купить букет цветов по дороге домой, просто так, без повода. Потому что... захотелось! Это было не богатство в привычном понимании, это была свобода. Свобода от вечной тревоги, от унижительного подсчета копеек и от липкого ощущения собственной никчемности.

Иногда, уютно устроившись в кресле с чашкой кофе, Ирка мысленно возвращалась на ту самую покосившуюся лавочку к Серому. Вот уж кто всегда был одержим «золотым тельцом»! Когда она сбежала в столицу, у его матери уже не было сил бороться с болезнью, а сам Серый в очередной раз «гостил» в колонии – уже второй срок. Их пути разошлись и больше не пересекались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.